

ТРАДИЦИИ И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО БЕЛГОРОДЧИНЫ

Библиотека Белгородской семьи

Библиотека Белгородской семьи

ТОМ 2

ТРАДИЦИИ И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО БЕЛГОРОДЧИНЫ

2015

Книжная серия «Библиотека белгородской семьи»

Региональная книжная серия «Библиотека белгородской семьи» в популярной форме рассказывает о культурно-историческом и природном многообразии родного края.

Серия предназначена для семейного чтения, для жителей области и туристов.

Издание книжной серии «Библиотека белгородской семьи»
осуществлено при поддержке
Правительства Белгородской области

Издательство благодарит научных и общественных партнёров книжной серии: управление культуры Белгородской области, управление спорта Белгородской области, Государственный архив Белгородской области, Государственный архив новейшей истории Белгородской области, Белгородский государственный историко-краеведческий музей, Музей-диораму «Курская битва. Белгородское направление», Белгородский государственный художественный музей, Музей-мастерскую заслуженного художника РФ Станислава Косенкова, Белгородский государственный литературный музей, Белгородский государственный музей народной культуры, Белгородский государственный центр народного творчества, Старооскольский центр декоративно-прикладного творчества, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгородскую государственную универсальную научную библиотеку, Алексеевский краеведческий музей, Борисовский историко-краеведческий музей, Валуйский историко-художественный музей, Вейделевский краеведческий музей, Грайворонский районный краеведческий музей, Губкинский краеведческий музей, Корочанский районный историко-краеведческий музей, Красногвардейский историко-краеведческий музей, Ракитянский краеведческий музей, Ровеньский краеведческий музей, Старооскольский краеведческий музей, Чернянский районный краеведческий музей, Шебекинский историко-художественный музей, музей с. Верхопенье, Духовно-просветительский центр во имя свт. Иоасафа Белгородского (г. Грайворон), Историко-театральный музей М. С. Щепкина, Мемориально-культурный комплекс В. Ф. Раевского в с. Богословка, Историко-литературный музей Н. В. Станкевича, Дом-музей В. Я. Ерошенко, Музей В. Г. Шухова (г. Грайворон), Дом-музей генерала армии Н. Ф. Ватутина, парк регионального значения «Ключи», Государственный природный заповедник «Белогорье», Белгородский союз художников, Белгородскую галерею фотоискусства им. В. А. Собровина, Белгородский союз фотохудожников, клуб «Аэрокамера».

Традиции и народное творчество Белгородчины / М. С. Жиров, О. Я. Жирова, Л. В. Якубенко и др. ;
Под общ. ред. В. В. Горошеникова. – Рыбинск : МедиаРост, 2015. – 116 с. : ил. – (Библиотека белгородской
семьи, ISBN 978-5-906070-47-0)
ISBN 978-5-906070-50-0 (т. 2)

Какие календарные праздники отмечали наши предки и какие они пели песни? Какие обычаи соблюдали в крестьянских семьях? Как на Белгородчине строили жилище? Что может рассказать о человеке традиционный костюм? Какими промыслами гордятся белгородские мастера? В книге рассказывается о различных сторонах быта и традиционной культуры Белгородского края.

ISBN 978-5-906070-50-0 (т. 2)
ISBN 978-5-906070-47-0

© Издательство «МедиаРост», 2015

ВВЕДЕНИЕ

Белгородский край – настоящий заповедник народных обычаев, диалектов, музыкального фольклора, художественных промыслов. Отголоски старины сохранились до наших дней вопреки всем бурным событиям переменчивого XX века: давним и недавним войнам, революциям, коллективизации, индустриализации, голоду, страшным годам оккупации, послевоенной разрухе, оттоку населения из деревень, смене государственного строя...

Богатство и многообразие живой народной культуры обусловлено историей края, заселением белгородских земель в XVII–XVIII веках «людьми ратными», приехавшими из разных уголков Московского государства, а также постоянными контактами с соседними народами.

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Древнейшие праздники и обряды календарно-земледельческого круга, связанные с землёй, солнцем, небом, возникли у наших предков к началу I тысячелетия новой эры. После крещения Руси в традиционной народной культуре возник своеобразный сплав исконных и христианских обычаев. Некоторые отголоски седой древности живы на Белгородчине до сих пор.

Народный сельскохозяйственный месяцеслов опирался на смену времён года. Основными его вехами были дни весеннего и осеннего равноденствия (22 марта и 22 сентября), зимний и летний солнцеворот (25 декабря и 22 июня). От этих четырёх дат и ведётся отсчёт годового круга.

Древние русичи встречали Новый год в марте. Этот порядок продолжался и после принятия христианства. В XV веке основой летоисчисления стал византийский календарь, где начало года приходилось на 1 сентября. В XVI–XVII веках, в период освоения Белгородского края, Новый год на Руси отмечали именно осенью. Даже после того, как Пётр I перенёс празднование Новогодья на 1 января, отсчёт года от осени сохранился в церковном календаре. Первый большой церковный праздник – Рождество Пресвятой Богородицы (8/21 сентября), а последний – Успение Богородицы (15/28 августа). Во временных границах, обозначенных двумя этими событиями, протекал год жизни православного христианина.

Осень

В старину на Руси начало нового года отмечали 1 сентября. Поэтому уже конец лета считался преддверием основного цикла осенних праздников и обрядов. К этому времени в Черноземье поспевали овощные культуры. «Август – припасуха, – говорили в народе. – Хоть в августе ломота в спине, да разносол весь год на столе!»

Первый день сентября, на который приходится празднование памяти св. *Симеона Столпника* («Семён-день», «Сёмин-день», Летопродвец), по приметам, оказывает влияние на всю осень. Если день ясный, не летят скворцы, гуси гуляют стадами, то погода будет благоприятствовать селянам. В этот день совершали «запашки» (опахивание) полей для ограждения «от нечисти». К Симеонову дню приурочивали новоселья, обязательно зывая с собой «старого хозяина», то есть

домового: «Милости просим, дедушка, к нам на новое жильё!» Также в этот день проводили семейный детский праздник – «стрижки» (постриги) младенцев, достигших годовалого возраста.

На «Уздвигенье» (*Воздвижение Креста Господня*, 14/27 сентября) «хлеб с поля на гумно уходит, а всё живое слетается и сдвигается», готовясь к зиме. Готовился к ней и человек, зная, что «до Покрова – осень, за Покровом – зима идёт», со всеми её заботами.

В праздник *Покрова Пресвятой Богородицы* (1/14 октября) в Ракитянском районе чествовали «пожитный сноп»: зёрна с последнего снопа скармливали скотине. По погоде этого дня, по тому, как опадают листья, откуда дует ветер, какие птицы улетают на юг, старики определяли характер предстоящей зимы: ветер с востока – к холодам, отлёт журавлей раньше этого дня – к ранней зиме.

◀ На гумне.
Художник С. Витюгов.
1916

Покров считался важной переходной датой в хозяйственной жизни деревни. К этому времени завершались основные полевые работы, и часть мужчин могла уйти на заработки в город.

Накануне Покрова женщины сжигали в овине, где сушат зерно, свои старые соломенные постели, а с ними – все болезни да горести. Старухи жгли изношенные за лето лапти, чтобы обеспечить себе «спорость хода» (скорость ходьбы). Покров день почитался на Белгородчине покровителем свадеб. Девушки ставили свечи пред иконою Пресвятой Богородицы, моля «покрыть бедную головешку золотым кокошником» (село Теребрено Красноярского района): «землю снежком покрыть – меня замуж снарядить» (село Вышние Пены Ракитянского района).

Выпавший на Покров снег предвещал много свадеб, а снегопад в день венчания – счастье молодым.

▼ Игра свех.
Художник К. Юон.
1912

▲ Святые Косма и Дамиан.
Икона. Первая половина
XV века

Зима

Первый зимний праздник посвящён памяти святых Космы и Дамиана. Он считается девичьим днём и «курьими именинами». На *Кузьминки* (1/14 ноября) было принято рубить домашнюю птицу и устраивать молодёжные пирушки, «добывая» курятину ночью на чужих дворах. «Жертвенных» живых кур преподносили уважаемым в селе хозяевам «под покровительство батюшки Кузьмы-Демьяна». В свою очередь, зажиточные хозяйки, следуя обету святых бессребреников, раздавали нищим и убогим деньги, вырученные от продажи своего рукоделья.

«Кузьму-Демьяна» называли в народе «божьим кузнецом». Он куёт цепи, а идущий за ним *Михаил Архангел* (8/21 ноября) налагает их на дьявола и «мосты мостит» на замёрзших реках. «Михайло Николе Зимнему путь готовит», – говорили крестьяне.

С праздника *Введения* (21 ноября / 4 декабря) начинались зимние торги и «гулянки-катанки» новобрачных на саях.

В череде декабрьских праздников особо почитался *Никола Зимний* («Микола», 6/19 декабря). По народному поверью, оба Николина дня (Зимний и Вешний) «устанавливают погоду», а Никола Зимний – ещё и цены на сельских ярмарках. Широко употребим в регионе и термин «николить» (праздновать Николу), понимаемый в смысле «пить, гулять». Это подтверждается повсе-

местно бытующей поговоркой: «На Николу едут мужики с поглядкой, а после Николы – без шапок».

Предвестником возрождения света и тепла был *Спиридон Поворот* (12/25 декабря). В этот день «солнце поворачивает на лето, а зима – на мороз».

Зимние Святки (период с Рождества до Крещения) – это необычный сплав языческих и христианских обрядов, отголоски которых бытуют в крае и сегодня. Так, на Белгородчине сохранились сведения о кострах у ворот, зажигаемых селянами в ночь под Рождество, чтобы «греть души и ноги усопших родителей».

Святочные песни-колядки славляли праздник и содержали пожелания: «хозяину – стольный город», «жёнке – бранку-понёвку» (то есть узорную юбку), «дочке – гарнитуровый платок», «сыну – коня с седлом», «надели вас Господь и житьём, и бытьём, и богатством!»

За свои песни колядовщики требовали угощения: «Коляда, Коляда, дай ты нам пирога!» И даже грозились хозяевам: «А не дашь пирога, мы корову за рога! ...Вы не будете дарить, мы не будем вас хвалить!» Угощения и подарки были не просто платой: и певцы, и слушатели верили, что от этой щедрости зависели удача, благополучие и достаток. Не впустить колядовщиков в избу считалось большим грехом.

О глубинных корнях местного колядования свидетельствует и разнообразие поэтических сюжетов о приходе Коляды, Овсена, трёх «братцев» (Рождества, Васильева дня, Крещения), Девы Марии, святого Ильи. В русских сёлах под окнами изб «кликали Коляду», «кликали Овсена». В украинизированных поселениях «гукали Мороза» с просьбой «не морозить ни ягнят, ни телят, ни поросят, ни цыплят, ни маленьких ребят, ни росток, ни колосок» (село Мальцевка Корочанского района). В Крещенский сочельник (18 января) «Мороза провожали».

► Мужской праздник.
Фотография начала XX века

« Встреча с ряженым.
Художница М. Павлова.
2002

Древние мифологические корни видны в отголосках бытовавшего в крае при колядовании обряда «ряжения». Рядились преимущественно парни, и чаще всего в животных: козу, медведя, коня. Так, в селе Покровка Новооскольского района зафиксирован образец комедийной сценки «Коза», в ходе которой она «умирает» и «воскресает». В этой обрядово-игровой форме передавались древние представления о смерти как конце старого и возрождении нового года.

Славление – ношение по селу символа Рождества, звезды, разукрашенной лентами и цветами.

« Славильщики.
Открытка. 1880

Обряд колядования проводился трижды: в канун Рождества, Васильева дня (старый Новый год) и в Крещенский сочельник. Именно благодаря этому колядки донине довольно прочно сохранились в народной памяти.

« Колядки.
Художник Л. Барбарин.
Середина XX века

▲ Гадание Светланы.
Художник К. Брюллов.
1836

► Святочное гадание.
Художник Н. Пимоненко.
1888

Известен на Белгородчине святочный обычай «сеять из рукава» в красном углу избы зёрна овса, ржи, пшеницы, гречихи под обрядовые песенки: «Торох, торох, зароди, Бог, горох, жичку, пшеничку, ячменец, гречичку!», «А дай Бог тому, кто в этом дому, ему рожь густа, рожь ужиниста!». Маленьких «сеятелей», в которых хозяева видели предвестников «нового хлебушка и нового летушка», одаривали деньгами.

На святочных «вечёрках» («посиделках», «сборнях», «беседах», как их называли на Белгородчине) парни и девушки пели лирические и свадебные песни. Ведь после Святка начинался период сватовства и свадьбы.

Стремление заглянуть в будущее породило великое множество способов гаданий, чаще всего в Рождественский, Васильев и Крещенский вечера. Гадали на будущий урожай, а девушки – на замужество: «Суженый-ряженый, приди коня напоить и меня, молодую, опоясать»; «Кого я задумала, приди ко мне, утрись моим утиральником» (село Рождествено Валуйского района).

Весёлые шумные святочные игрища сопровождалась жжением костров, «скаканием» под «пищики» (жалейки), катанием на санках и «льдянках». Но верили, что именно в эту пору разгульно властвуют и злые силы. Чтобы защититься от нечисти, чертили круги и косые крестики на воротах и над окнами.

В праздник *Рождества Христова* (25 декабря / 7 января) кроме колядок в сёлах звучали особые торжественные песни – «христославия». Они прославляют Рождение Спасителя Мира, воспевают Деву Марию и святых: «Разметайте дворы, становите столы, сын Божий родился», «По полю, полю Божья Мать ходит». Образцы христианизированных колядок более всего отмечены в местностях, где преобладает украинское население.

Упоминание в текстах «христославий» плуга свидетельствует о бытовании некогда

◀ *Христославь.*
Художник Ф. Сычков.
1935

в крае обряда «шествие с плугом» («За тем плугом сын Божий ходит»). Это должно было обеспечить успех предстоящих посевных работ.

На достижение этих же целей направлены и обряды на праздник *Крещения* (5/18 января): гадание, купание в «Ердани» (проруби), охищение крещенской водой жилищ, людей и животных.

В «народных святцах» белгородских старожилов почётное место отведено «Устреченью» – *Сретенью Господню* (2/15 февраля). В этот день «зима с весной встречаются впервые». По погоде определяли: «На Сретенье перемёт (метель) корма подберёт», «На Сретенье капелюха какая – скоро весна пожелает» (Валуйский и Волоконовский районы). Сретенские обряды должны были придать весне победных сил. Мужчины целый день чинили «коньи сбруи», женщины «поспешали с прядивом», ребятки бегали на пригорок (в ряде мест – босиком), чтобы

«окликнуть»: «Солнушко-вёдрушко, выгляни из-за горы, нам тепло принеси!» (Борисовский и Грайворонский районы).

◀ *Зима.*
Крещенское водосвятие.
Художник Б. Кустодиев.
1921

► *Взятие снежного городка.*
Художник В. Суриков.
1891

Самый разгульный и любимый в народе праздник – *Масленица* – возник в глубокой древности как проводы умершей зимы и встреча весны. В православной традиции он предшествует Великому посту.

Как известно, Масленица семь дней гуляет. Белгородчина – не исключение. Встречали Масленицу дети на пригорке, в поле, на огороде с блином в руках: «А мы Масленицу встречали, на горушке побывали» (Новооскольский район), «Ой, Масленица-кривошейка, мы встретим тебя хорошенько, с сыром, маслом, калачом и с печёным яйцом» (Ракитянский, Грайворонский районы).

Катание в санях с четверга было обязательным для всех уважающих себя крестьянских семей. Чтобы продемонстрировать своё благосостояние, для катания надевали праздничные одежды, запрягали лучших жеребцов. По улице ехали степенно, «взад-вперёд», время от времени останавливаясь, чтобы переброситься словом с гуляющими соседями. Парни имели возможность прокатить приглянувшихся

Излюбленные масленичные развлечения – кулачные бои и взятие снежных крепостей.

девиц. «Платой» за услугу был поцелуй. У женатых мужиков корысть была иная: в страдную летнюю пору девушки отработывали катание трудом в поле.

Главными действующими лицами всех масленичных обрядов и увеселений были молодые женатые пары. В доме каждого, кто гулял на свадьбе (тесть, тёща, сваты, дружки), их радушно потчевали, величали свадебными песнями. А катание молодожёнов («выюн-

► *Масленица.*
Масленичное катание.
Художник Б. Кустодиев.
1919

цов и вьюниц») представляло собой всепародный показ новобрачных. Этот обычай означал всеобщее признание и одобрение совершившегося союза.

Молодые, которые ещё не вступили в брак, хотя и пришла пора, в украинизированных сёлах подвергались шуточному наказанию. Им к ногам привязывали «колодки» (древесные чурки), а освобождали лишь за определённую плату.

Дети и подростки в течение всей недели катались на санках с гор: «Ой, Масленица-кривошейка, покатай-ка меня хорошенько» (Новооскольский район), «Ой, Масленица, это я иду, потеряла салазочки, никак не найду» (Губкинский район).

На Масленицу делали соломенное чучело, одетое в длинную женскую рубашу. Молодёжь носила его по улицам, а в Грайворонском районе его возили на «ребячьей тройке» (парни сами впрягались в санки), посадив рядом красивую девушку.

Провожали Масленицу в большинстве регионов области с кострами, проводами-

похоронами обрядового чучела. Чаще всего чучело Масленицы сжигали на костре, пепел которого разносили по всей деревне, «чтобы весна и солнышко были милостивы ко всем». По дыму определяли судьбу будущего урожая: к небу пойдёт – быть доброму, если же по земле стелется – к неурожаю. Вокруг костра водили «карагоды», пели обрядовые песни: «Ой, Масленица, какая мала! Было б тебя семь недель, а посту одна» (Губкинский район). Примечательно, что в селе Добром Грайворонского района, например, чучело Масленицы не сжигали, а оставляли на одном из недостроенных подворий, хозяин которого мог использовать солому в качестве корма для домашних животных.

▲ Катание с горы зимой.
Художник Ф. Сычков.
1889

▲ Масленица.
Художник Б. Кустодиев.
1920

▼ Масленица.
Проводы зимы. XVII век.
Художник С. Кожин.
2001

В первый и последний дни недели жгли масленичные костры, через которые прыгали и водили вокруг хороводы: «Ах, Масляна, душка моя, любят тебя дети, девки, бабы и я» (Прохоровский район). Парни подбрасывали вверх зажжённые свясла (соломенные жгуты для вязки снопов), спускали с гор горящие деревянные колёса – символ солнца, «идущего на лето». В сёлах Поосколья лучшие пряжи катались с гор на донцах своих прялок – «для роста конопли».

Глубинная суть древнеславянского праздника Масленицы просматривается и в почитании предков. Первый масленичный блин клали на подоконник «за упокой душ родителей». В *Прощёное воскресенье*, перед наступлением поста, существовал обычай просить прощения «за все прегрешения» у своих близких, в первую очередь у младших и старших. В этом действии проявлялись уважение и благодарность к своему роду-племени.

Поэтому, повеселившись от души, народ расходился по домам «прощаться», мыться в бане, памятуя: «Пируй-гуляй, а про пост не забывай!»

• *Масленица. Прощённый день в крестьянской семье. Гравюра из журнала «Всемирная иллюстрация», № 9, 1875*

Весна

С *Евдокией-Плющихой* (1/14 марта) связаны пословицы: «Евдокия весну обряжает», «Евдошка идёт – весну несёт» (Новооскольский район). Старики утверждали, что с Евдокии снег обретает особую целительную силу, а потому деревенские знахари собирали его по пригоркам для лечения (село Рождествено Валуйского района). Именно по этому дню селяне судили, какова весна будет. Если «на Евдокию холодно, то и весна припозднится», а значит, домашних животных придётся две лишние недели кормить. А если «на Евдокию вода – на Егория трава»; «ежели курица на Евдокию талой воды напьётся, то и овечка на Егория травы наестся».

Предвестником наступающей весны почитался в крае и *Герасим-Грачевник* (4/17 марта). «Грач на горе – весна на дворе», – утверждают старые люди, а потому примечают, куда прилетевшие птицы «возгнездятся». Если старые, прошлогодние гнёзда займут, значит, весна будет ранняя и талая вода вся разом сбегит. «Следить грачей» в старину доверялось деревенской ребятне.

На *Сороки* (9/22 марта, день весеннего равноденствия) выпадает вторая встреча весны. В этот день, по народному дневнику, зима кончается, весна начинается, день с ночью меряются и равняются. А Сорок Мучеников, воспоминаемых в этот день Православной церковью, по простонародному присловью, «торят путь-дорожку сорока утренникам (морозам), из которых каждый всё легче да мягче другого».

По народному поверью, в этот день и сорок птиц прилетает. Свидетельство тому – сохранившиеся на Белгородчине присловья и поговорки: «Увидел скворца – весна у крыльца», «Жаворонок в раю – быть теплу», «Перепелушки, летите – тепло летушко несите», «Журавли курлыкают, весну-красну кликают», «Журавли-тонконоги понашли пути-дороги».

♦ Яблони в цвету.
Художник Н. Сергеев. 1895

Хозяйки выпекали сорок фигурок «жаворонушков», раздавали их детям и подросткам, совершающим закличания на пригорках, стогах сена, деревьях, крышах сараев. Гадали «на богатство» и на «урожай», пряча в печенье монетку и зёрнышко. Кому достанется, тот наделялся правом первым бросить в землю горсть посевного зерна. Это сулило хороший урожай и материальное благополучие семье круглый год.

Фигурки «птюшек» укреплялись на длинных шестах, на макушках деревьев, клались на «одонушки» (стога). Иногда дети подбрасывали их вверх, имитируя их полёт: «Жаворонушки, поскорей прилетите, весну-красну, тёплое летецо принесите!» (Новооскольский район). Девушки просили пичуг обеспечить их «прядивом и тканём на будущий год» (Ракитянский район).

Особым смыслом наделялись исполняемые девушками «заклички» весны: «Ты нам принеси, красным девушкам, по веночку, молодым молодушкам – по серпочку, косу да серпок, золотой снопок, в амбар – зерна по самые края», «Принеси с собой жито спелое,

сошку, плужок, колосков мешок, сошку, боронку, да косицу звонку!»

О Благовещении (25 марта / 7 апреля) в народе сложилось поверье: сама Богоматерь в этот день засеивает все нивы земные с небесной высоты, разбрасывая из золотой кошиницы (корзинки) пригоршнями всякое жито и моля Господа благословить будущий урожай. Обычай выпускать на волю из клеток «пташек божиих» знаменует приход весеннего тепла, победившего зимнюю стужу.

В этот день надлежало прыгать через огонь, соломенные лежаки жечь, одежды свои «окуривать», чтобы истребить житейские напасти и болезни. До сих пор пожилые селянки выпекают в этот день из общей муки пресные «просвиры» (просфоры), которые, освятив в церкви, хранят за божницей и используют в самых сложных жизненных ситуациях (болезнь, сглаз, принятие ответственного решения).

На Благовещение возбраняется выполнять любую работу, так как «птица (даже самая злая – ворон) гнезда не вьёт, девка косы не плетёт, печи не топят, горячего ничего не

♦ Благовещение Пресвятой Богородицы. Икона. XV век

► *От святой заутрени.*
Художник А. Бучкури.
1911

готовят». Погодные приметы утверждают, что «каково Благовещение – таково и Христово Воскресенье», «Благовещенское солнышко сулит благую весть об урожае», «На Благовещение дождь – уродится рожь!».

Праздник *Вербного воскресенья*, отмечаемый в последнее воскресенье перед Пасхой, установлен Церковью в память въезда Иисуса Христа в Иерусалим. Народ по пути шествия бросал ему пальмовые ветви. На Руси же атрибутом праздника оказалась верба, поскольку она первая являет нам признаки весны в виде растительной силы – почек. С этим связан обычай – слегка похлестать веточкой вербы всех домочадцев, а особенно детей: «Верба, секи, велика, (имя), расти», «Верба-хлест, бей на прирост» (Грайворонский район), «Верба-лоз, бей до голос, чтобы выросла сама така кудрява, как верба» (Белгородский район). Народ как бы отдавал дань детям, которые празднуют весну своей жизни, а потому должны радоваться, веселиться, жить здоровыми и бодрыми. Веточки вербы,

освященные в церкви, селяне по сей день почитают целебными, храня за божницей и используя как предохранительное средство от порчи и сглаза, злых духов и людей.

► *Молебен на Пасху.*
Художник В. Маковский.
1888

Праздником праздников называют на Белгородчине *Пасху* – *Светлое Христово Воскресение*, отмечаемую с огромным благоговением и торжеством. Наши предки оставили её множеством обрядовых действий, идущих от глубины веков, совершаемых как в преддверии этого праздника, так и в день его. Это обычай «очищения» водой (купание) в Великий четверг до восхода солнца всех членов семьи; окропление домашних животных «для здоровья»; уборка жилищ и дворов («грех не обиходить к Велику дню»).

Радостное приветствие «Христос воскрес!» под колокольный звон, одаривание друг друга крашеными яйцами и куличом, троекратное целование выражают почтение, уважение, любовь к ближним. Само яйцо воспринимается как символ воссоздания новой жизни и её продолжения. Скорлупу освящённого яйца не бросали в мусор, а закапывали в землю – «для роста посевов». До сих пор многие верят, что при помощи пасхального яйца души умерших могут получить облегчение на том свете. Этим и обусловлен повсеместно бытующий на Белгородчине обычай катать яйца «крестом» на могилах. Поминовению усопших специально посвящён праздник *Радоница*, который справляли на девятый день после Пасхи.

Со Светлого Христова Воскресения начинался период *Красной Горки*, праздничные гуляния с хороводами, играми, несущими брачную радость молодым: «Король по городу ходя, король девок выбирая» (Грайворонский, Красногвардейский районы). Считалось, что выбор, сделанный в этот день, наиболее удачен: «На Красной Горке сойдёмся, посчитаемся, золотым венцом повенчаемся!» Неслучайно по сей день не только в деревнях, но и в городах области родители молодых стараются приурочить свадьбу к Красной Горке.

Важнейшей аграрной датой на Белгородчине исстари почитался *Егорьев день* (23 апреля / 6 мая), праздник первой пахоты, сева, первого выгона скота на пастбище после зимы. Двор и живность кропили святой водой. Выгоняли скотину непременно веточкой освящённой вербы. «Кликали» Егория, без которого «хоть все глаза прогляди,

▲ *Радоница (перед обедней).*
Художник А. Архипов.
1892

◀◀ *Дети, катающие пасхальные яйца.*
Художник Н. Кошелев.
1855

◀ *На солнышке.*
Художник С. Никифоров.
1910

► Засевки.
Фотография 1900-х годов

Пастуха окружал особый почёт. Его нанимали «всем миром» и кормили по очереди. В первый день хозяйки выносили пастуху печенье в виде фигурок домашних животных ради сохранения и приумножения стада. Пастух рожком оповещал хозяев о выгоне и пригоне скота. В Алексеевском районе записаны такие наигрыши: «Солнце всходит – пастух с ума сходит» (утренний); «Солнце садится – пастух веселится» (вечерний).

▲ Пастух.
Художник С. Виноградов.
1900

► Сеятель.
Художник Г. Кудрявцев.
1996

а за стадом не усмотришь». В Красногвардейском районе под ноги коровам стелили «покромку» (пояс): согласно поверью, они будут здоровы весь год, если не заденут её. В сёлах Грайворонского района в воротах замков замыкали, «чтобы зверь пасть не открывал».

Особую важность имели обряды, связанные с весенним севом, с определением сроков, когда и как надо «сетью подымать». Готовность прогретой земли принять зерно проверяли руками на ощупь, а иногда и испытанным дедовским способом: сняв портки и садясь на борозду. Народный календарь гласил: «Сей неделю после Егорья, да другую после Иеремии».

Встав на краю поля, мужчины молились на три стороны (кроме северной), бросали на каждую с низким поклоном по горсти жита и начинали засевать. В старину на Белгородчине хлеб сеяли только мужики, чтобы «сильным удался». А вот посадка овощных культур требовала «ласковой бабьей руки». Сажая рассаду капусты, женщины приговаривали: «Уродись, капустушка, пузаста да головаста» (Алексеевский, Старооскольский районы). Дальновидные хозяйки не приступали к посадке бобов, предварительно не замочив их в «озимой» воде, которую брали в крутых оврагах и ярах, где долго лежит снег. Сажая, приговаривали: «Уродись бобы и крупны, и велики, чтоб хватило на старых и малых» (Вейделевский район).

Лето

Особо желанными в череде трудовых будней Белгородчины до сих пор считаются семицко-троицкие праздники и обряды, именуемые «Семиковой неделей», «Зелёной неделей» и «Зелёными святками». Действительно, по разнообразию и сложности входивших в них компонентов они равны святочным и масленичным. Они включают Семик, поминальную Родительскую субботу, Троицу и Духов день. Этот празднично-обрядовый комплекс связан с древним культом растений, духов растительности и почитанием предков. Праздники Зелёной

недели знаменуют проводы весны, встречу лета, прославляют буйную растительность земли-матушки, выражают надежду на её милость.

Христианский двенадцатый праздник *Вознесения Господня* отмечается в четверг через сорок дней после Пасхи в знак возвращения Иисуса Христа на небеса. На Белгородчине этот праздник называется *Вшествием*, *Ушествием*. В этот день обходили посевы, катались по траве, приговаривая: «Расти, травка, қ лесу, а моя рожь – в овину!»

На полях обязательно совершали обрядовую трапезу: ели яйца, блины и особое печенье в виде *лесснок*, «чтобы облегчить Спасителю восхождение на небеса». Однако крестьянство переиначило идею подъёма на свой, земледельческий лад, используя магический приём для успешного произрастания и поднятия ввысь злаков. С этой целью девушки в поле соединяли выпеченные «лессенки» вместе, приговаривая: «Дай, нам, Боже, много тоже ржи, пшаницы, конопилцы!» «Лессенки» подкидывали верх со словами: «Расти, рожь, большая, вот такая!» После этого обрядовое печево съедалось, а в ряде мест хранилось в святом углу до сбора урожая.

Основной праздник, посвящённый культу зелени, – *Семик*, именуемый в народе «честным». Он отмечается на седьмой неделе после Пасхи. До наших дней сохранился обычай украшать жилища, хозяйственные помещения, дворы «кличаньем» (ветвями деревьев). На Белгородчине предпочтение отдаётся берёзе, липе, клёну. Наиболее «разлапистые» ветки укрепляли в местах входа человека и «души» (ворота, двери, окна), а также за домашними иконами. Согласно поверью, именно верхушки деревьев и ветки считаются средоточием особой силы роста, которую надо использовать. Сегодня в регионе широко бытует традиция освящать ветки берёзы и липы в церкви, и им, как и вербам, освящённым в Вербное воскресенье, придаётся особая целебная и оберегающая сила.

◀ У своей полосы.
Художник В. Максимов.
1891

▼ Обрядовое печенье
«лессенки»

▼ Троицын день.
Художник П. Суходольский.
1884

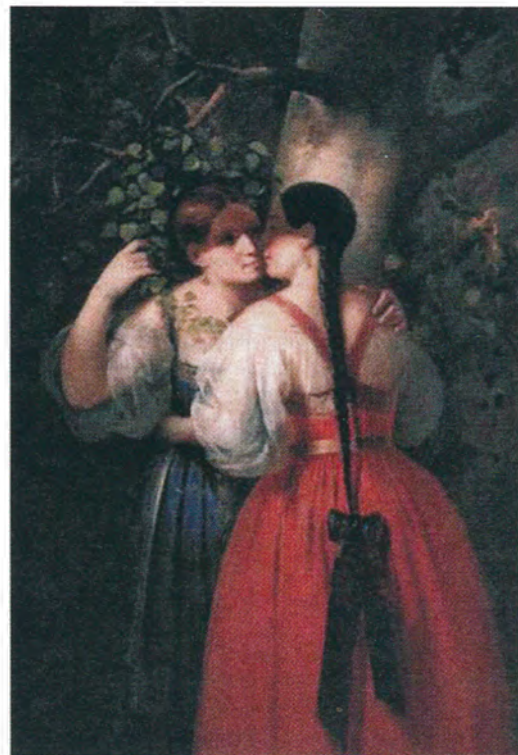
▲ Семик. Обряд кумления.
Неизвестный художник.
XIX век

► Две девушки в день
Семика.
Художник Д. Осипов.
1860–1870-е

Освящались не только ветки деревьев, но и цветы, свежескошенные пахучие травы: чабрец, мята, душица, зверобой. Душистые венки впоследствии хранились за божницей и использовались «при хворобе».

В древности именно берёзу славяне почитали как дерево жизни. На Семик или на Троицу надлежало выбрать деревце для обрядов. Его украшали разноцветными ленточками, нитками, лоскутками, бусами, венками из цветов и трав, под ним устраивали совместную трапезу, затем его срубали и торжественно несли в деревню.

Молодые селянки прибегали к «завиванию берёзки», чтобы крепко-накрепко связать себя с полюбившимся парнем. Они «завивали» концы веток дерева в кольца-венки или связывали верхушки двух рядом растущих деревьев так, чтобы получилась своеобразная арка, и припевали: «Завивайся, берёзка, завивайся, кудрява!» (село Масловка Валуйского района). На «завитом» деревце-венке они гадали о своём будущем, о здоровье родителей. Если завитые венки не завяли до Троицы, всё задуманное обязательно свершится. Гадали и другим способом, пуская венок по воде.

«Завив» на берёзке большой венок, девушки «кумились»: «Кума, кума, давай покумимси, по три раза посалуимси» (Волоконовский район), «Кума, кума, покумись и на ранее не бранись» (Губкинский район). «Кумление» подружек заключалось в троекратном поцелуе, обмене венками, нательными крестиками, украшениями, яйцами. Этот обычай – отголосок древнего ритуала признания девушек брачного возраста полноправными членами общины. Несмотря на то что семицко-троицкие обряды считаются чисто девичьими, в Яковлевском, Валуйском, Алексеевском районах иной раз юноши предлагали девушкам покумиться.

В ряду наиболее значимых ритуальных действ семицко-троицкой недели в крае значился обряд «крещения и похорон кукушки». Для изготовления её чучела использовался любой подручный материал: веточка дерева (чаще плодового), листья лопуха, клочок сена, «кута» (камышовая трава) (Волоконов-

ский район). В Валуйском районе делали ещё и чучело «кукуя» и оставляли его рядом с «кукушкой» на плодовом дереве до Троицы. Обряжали «кукушку» повсеместно в девичий наряд, традиционный для данной местности. «Похороны» совершались либо на «Вшество», либо в день Жён-мироносиц, на Семик или на Троицу, нередко параллельно с обрядом кумления. Хоронили «кукушку» в садах, на лесных полянках, с плачем и причитаниями: «Кукушечка наша милая, и зачем же ты так рано от нас улетаешь, и зачем же ты так рано нас покидаешь?» По окончании ритуала плачи сменялись «карагодной» или плясовой песней (Валуйский, Волоконовский районы).

В ритуалах Родительской субботы, которая предшествует Троице, соединилась память об усопших (посещение кладбищ, молебны, жжение поминальных костров) и праздничный гимн кормилице-земле и всему, что живёт и растёт на ней.

Для семицко-троицких обрядов характерна и древнейшая традиция межсельских игрищ. Молодёжь устраивала «танки» и «карагоды» «на гранях», то есть на территории, разделяющей соседние земли (Грайворонский, Алексеевский, Красногвардейский, Ракитянский, Яковлевский районы).

Праздник *Ивана Купалы*, Ивана-травника, «купальщика, колдовщика, карагодника, игруна» (24 июня / 7 июля) выпадает на разгар лета, на период летнего солнцестояния, время буйного роста и цветения растительности. Считается, что солнце в этот день действует с особой живительной силой, а при восходе играет всеми цветами радуги, купаясь в воде. Оттого ей и приписывается чудодейственная сила.

Так как земля теперь достигла полного развития своих сил, то помогать ей уже не надо. Наоборот, от неё в этот день стараются взять всё, что она может дать: целебные травы, цветы, корни («Иванов день пришёл, народ траву собирать пошёл»). Крапива

▲ Троица Ветхозаветная. Икона. XV век

◀ Сбор целебных трав в ночь на Ивана Купалу

ревматизм лечит; заячья капуста применяется при ожогах; мать-и-мачеха, душица от простуды помогают; плакун-травы прогоняет злых духов... А чтобы травы не потеряли чудодейственной силы, вполголоса приговаривали: «Мати-земелюшка, благослови меня травы брати, корни копати» (Ровенской район).

С этого дня «усяк, кто дорос – идя на покос»: «Косарики молодые сено покосили, водичи попили» (Ракитянский, Яковлевский районы).

▼ Сенокос. Художник Н. Пимоненко. Ок. 1912

Купальская роса также наделялась целебной силой. Ею умывались, набирали впрок «от хвори и недуга». Не случайны и ритуальное купание на зорьке, и обливание водой друг друга.

Главная примета купальской ночи – очищающие костры. Разводили их, как правило, на берегу водоёмов, нередко спуская в воду с пригорков горящие колёса, и пели песни: «Только вот наша карагодница ноченьку не

спала» (Ракитянский район). Когда огонь набирал силу, через него прыгали «и мал и стар». Первые – для предсказания будущего, вторые – для очищения «от болезней и всякой скверны». В ряде мест было принято прыгать через заросли высокой крапивы, водить вокруг «карагоды»: «Трава моя, травушка, кострыка стрягучая» (Валуйский, Шебекинский, Алексеевский районы).

► Ночь на Ивана Купалу.
Художник К. Лебедев.
1910-е

С Петрова дня каждый погожий день почитался на вес золота: «Пётр и Павел день убавил», «Петрок час уволок». И хотя в сам Петров день запрещалось работать, он как бы открывал сезон уборочной страды. В Валуйском районе было принято в этот день срезать несколько колосьев, если предшествующий год был «голодным» (неурожайным). Впервые после «Петровки-голодовки», то есть после Петрова поста, селяне отведывали плоды нового урожая: молодой картофель и огурцы, грибы, ягоды, «играли» специально приуроченные к этому дню песни: «У нас сегодня диво, диво, да серед лета на Пятров день» (Ракитянский район). А все последующие дни усердно трудились: мужики косили, а бабы «раструхивали», то есть ворошили свежее сено.

С Ильиным днём (20 июля / 2 августа) связывали окончание сенокоса и начало жатвы. Илья-пророк в народных представлениях – податель всяких благ и милостей. Но он же выступает как грозный вестник гнева Божьего, ревниво заботящийся о своём почитании. Карательная функция Ильи («громом сразит за дурные дела») тесно связана с очистительной («умываться Ильинским дождиком»). С этого дня, по поверью, «Илья-пророк с неба холодную воду в реки льёт», а потому «до Ильи мужик купается, а с Ильи с водой прощается». Прощаясь с летом, было принято обливать друг друга водой (Новооскольский, Корочанский, Валуйский, Вейделевский районы). По пословице, «Пророк Илья лето кончает – жито začínает».

Приступая к началу жатвы, или «*зажинкам*», надлежало просить силы и погоды: и у Бога перед иконой, и у солнца, глядя на восток. Первый сноп, величаемый именинным, рядили ленточками, цветами и ставили под образа. Он должен был «как первенец, род продолжить». Именно с него затем начинали молотбу. Его зёрна добавляли в посевной материал озимых, в корм животных, что обеспечивало им, по поверью, сытную

зимовку. Особый почёт оказывали и последнему снопу, который называли зимним. А на краю поля оставляли последний несжатый пучок колосьев – «бороду». Его «завивали», завязывали узлом и пригибали к земле, приговаривая: «Уроди, Боже, на другое лето урожай хороший!» Отголоски этого обряда сохранились в Новооскольском, Корочанском, Валуйском районах.

▲ *Градобой.*
Художник Н. Сергеев.
1897

▼ *Жатва.*
Художница З. Серебрякова.
1915

▲ *Страдная пора (Рожь).*
Художник Г. Мясоедов.
1887

► *Жница.*
Фотография С. Лобовикова.
1914–1916

После уборки сахарной свёклы или картофеля принято было по земле «кубарем пройтись», то есть кувырнуться. Изначальный смысл этого действия – набраться от матери-земли новой силы для дальнейших осенне-зимних работ.

Ещё в середине 1950-х годов на *Спожинки*, по окончании жатвы, селяне устраивали «мирскую складчину», для которой варили пиво, пекли пироги из муки нового урожая, резали барана. Ковшик бражки непременно выплёскивали на косу и грабли, «уряженные» красными лентами, называя это действие «обмыванием». Почётное место на столе отводилось пучку колосьев, украшенному цветами и яркими ленточками.

Период *Успенского поста* (14–29 августа) сохранил на Белгородчине традиции «качать» мёд нового сбора, потчевать им соседей, родственников; угощать первыми яблоками всех страждущих; выпекать мучные изделия с маком «на помин душ усопших»; чистить колодцы и родники.

С Успеньева разговенья, то есть от окончания поста, начинались по деревням осенние посиделки, «беседы», «вечёрки», когда парни и девушки могли присмотреться друг к другу перед сватаньем. Исстари было принято не засылать сватов раньше чем через две недели после Спожинок. Однако памятуя, что «первый сват другим дорогу кажет», девушки «выказывали» (показывали) своё мастерство в рукоделии, а весёлый нрав – в песнях: «Нет такой дородницы, вот Марьюшки да Ивановны» (село Нижние Пены Ракитянского района).

Большинство весёлых свадеб в деревнях играли именно осенью и зимой. Окончены полевые работы, собран щедрый урожай. Впереди – новый поворот извечного годового круга.

Праздники и обряды народного календаря – это сложная система, где будничное и торжественное, обыденное и возвышенное переплетены воедино, образуя сплав уникальных традиций региона. В них отразились чаяния людей, связанные с земледельческими интересами, их религиозные и мифологические представления.

В целом народный календарь Белгородчины сохранил все те исконные добрые традиции, которые формируют гармонию человека и природы, культуру труда, здорового образа жизни, семейных взаимоотношений, нравственные основы бытия русского сообщества.

▲ *Старик насечник.*
Фотография конца XIX – начала XX века

▲ *Посиделки.* Художник
Е. Честняков. XX век

▼ *Успение Пресвятой Богородицы.* Икона. XVII век

▲ *Праздник в деревне.*
Художник Б. Кустодиев.
1907

► Родительская радость.
Художник К. Лемох.
Ранее 1910 года

СЕМЕЙНЫЕ ОБЫЧАИ

Дети в крестьянской семье

Испокон веку на Руси появление в семье детей воспринималось как милость Божья: «Счастлив отец в сыновьях, а мать – в дочерях!», «Первый сын – Богу, второй – людям, третий – себе на старость», – говорили наши предки.

Беременность мало что меняла в повседневной жизни женщины. До самых родов она выполняла свои обычные обязанности по хозяйству, остерегаясь лишь чрезмерных физических перегрузок, зная, что «как дитё в утробе носишь, так его и родишь».

Множество поверий, примет и запретов окружало женщину в период ожидания ребёнка. Ей возбранялось употреблять острое, горькое, спиртное («дитя будет злым и жестоким»), рыбу («долго не будет говорить»), есть со сковороды и из горшка («у младенца будут на теле чёрные пятна»), долго смотреть на воду или на огонь. Запрещалось ей крестить младенцев, быть свахой на свадьбе, участвовать в гуляниях, провожать покойника до кладбища и присутствовать на поминках даже по близкому человеку, иначе «ребёнок унаследует долю покойника». Для защиты от злых сил женщины на Белгородчине всегда имели «обереги»: нагрудные украшения, «подпояску» (пояс), ленточки,

красные шерстяные нити, иголку, булавку, соль, кусочек кирпича от печи.

Народный этикет требовал заботливого и уважительного отношения к беременной женщине. В её присутствии запрещалось кричать и ссориться: «испугаешь ребёнка». В свою очередь, будущей матери надлежало жить с окружающими в ладу и согласии: не ругаться, не сплетничать, смотреть только на хорошее и приятное.

По приметам старались определить пол будущего ребёнка, поскольку «сын – домашний гость, а дочь – в люди пойдёт», то есть, выйдя замуж, станет работницей в чужом доме. Согласно доводам белгородских селянок, на рождение мальчика указывает высокий, острый живот «тычком», шевеление в первый раз в левом боку, тёмные соски груди роженицы и пятна вокруг них, хорошее самочувствие в первые три месяца. Появление на свет девочки предвещает широкий, «разлапый» живот беременной, чистый цвет её лица в этот период, чрезмерная тяга к сладкой пище.

Роды в старину происходили обязательно вне жилого помещения: в чулане, сарае, бане. Чтобы роды шли легче, бабки-повитухи расплетали женщине косы, отмыкали замки, раскрывали в доме двери, поднимали крышки сундуков. Повитуха молилась святой Соломонии (св. Соломониде), которая, по преданию, принимала роды у самой Богородицы: «Бабушка Соломонида, приложи рученьки рабе Божьей (имя роженицы)».

Новорождённого заворачивали в чистую мягкую холстинку из старой отцовской рубашки, «чтобы отец любил и жалел»; в полотенце, «чтобы был пригож и людям приятен». «Чтоб ни в чём не знал нужды», малыша укладывали справа от матери в головах на шубу.

Рождённые в новолуние, по поверью, наделялись крепким здоровьем и долголетием. Верили, что лучше всего рожать после полуночи, когда все спят («ребёнок будет спокойным»). Солнечная погода за окном в день

родов обещала малышу счастливую жизнь. Рождение в понедельник или пятницу рассматривалось как знак трудной судьбы, в воскресенье – благоприятной жизненной дороги.

Новорождённого купали в настое целебных трав: череды, мяты, василька, душицы. В воду клали также серебряные монеты, чтобы обеспечить «жизнь в богатстве»; соль – «для отвердения косточек»; добавляли освящённую воду, дабы «избавить от бед и болезней». Такое ритуальное купание проводилось в течение первых трёх дней, в последующие сорок дней купали в череде.

Первое кормление грудью обставлялось не менее торжественно. Грудь омывали святой водой, осеяли крестом мать и младенца. Чтобы ребёнок не был левшой, надлежало первый раз дать ему правую грудь. Материнским молоком кормили год или полтора, иногда – два и даже три года. Прикармливать начинали, когда ребёнок научится есть «платернёй». На этот случай бытовали специальные приговоры: «Господи, возьми моё дитя на свои хлеба!» Как правило, мать давала

▲ Повитуха Акулина
Ларионовна.
Художник А. Платов.
1920–1960-е

▼ Новое знакомство.
Художник К. Лемох.
Ранее 1890 года

малышу краюшку хлеба, посыпанную солью, и говорила: «Дай, Боже, (имя) от груди отстать, а к хлебушку пристать!»

Обычно дитя заворачивали в три пелёнки («изголовник», «подгузник», «простынка»), которые закреплялись «свивальником» — тканой широкой лентой более трёх метров длиной. Спеленатый таким образом младенец, по мнению селянок, доставляет мало хлопот матери.

Пелёнки и рубашки младенцев всегда шили из старой одежды родителей. И дело здесь не в скупости или бедности, хотя, возможно, влияло и это. Выношенная ткань мягче для нежной кожи малыша, а хозяйственная основательность крестьян не позволяла ничего выбрасывать. И всё же основной секрет — в священной силе родительской одежды как оберега.

Практически повсеместно в крае бытовал обряд «размывания рук». Стоя под иконами или на пороге избы, роженица и повитуха просили друг у друга прощения, троекратно полив воду на руки. Вода для «размывания

рук» должна быть «непочатой», то есть взятой из колодца до восхода солнца. В ряде регионов Белгородчины в воду добавляли ещё и освящённую, крещенскую; клали серебряную монету, зёрна злаков, чтобы их очистительная сила принесла дальнейшую плодovitость роженице. В завершение этих обрядов повитуху за услуги одаривали, чаще всего полотенцем или куском домотканины.

Люльку, или «качку», в регионе часто делали из осины, иногда плели из лозы. Постельку готовили из мягкой сухой травы, добавив туда клочок собачьей шерсти, пучок полыни и сон-травы.

Чтобы оберечь дитя «от дурного глаза», на люльку привешивали крестик. Для того же служил и полог над колыбелью.

*Серы коты, серы коты из-за моря шли,
Из-за моря шли, Сон да Дрёму принесли.
А Дрёма говорит: «Я тебя удремлю»,
А Сон говорит: «Я тебя усыплю».
Байки, баиньки, покой,
Маша, глазоньки закрой,
Спи, дитятко, усни,
Сладкий сон тебя возьми!*

*Колыбельная песня,
село Боровое Новооскольского района*

Когда все предосторожности были соблюдены, в избе мыли лавки и пол. Это являлось знаком для посещения роженицы родней. Гости несли с собой подарки (рубашонки, куски домотканины, пироги, пышки, блины, хлеб). О новорождённом разговоров не вели, смотреть на него также до крестин не полагалось.

Крестили ребёнка на сороковой день. Но если он родился слабым, то окрестить нужно было сразу после родов, на дому. Родители боялись, что умерший некрещёный младенец не сможет попасть в мир предков и будет вечно скитаться около дома, вымаливая у домочадцев крещения. Обряд проводил либо священник, либо бабка-повитуха. Она окунала младенца в миску с разведённой святой водой или просто окропляла его три раза со

◀ *Крестины.*
Художник П. Коровин.
1896

словами: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь» – и давала имя.

Чаще всего дитя называли по имени святого, память которого отмечается в день крещения, а иногда – в честь особо уважаемого в семье человека.

Выбору крёстных родителей на Белгородчине до сих пор придаётся большое значение. На эту роль приглашаются, как правило, родственники или очень близкие друзья. Они оказывают крестнику всяческую помощь на протяжении всей его жизни. Более того, народная этика требовала от крёстных взять дитя на воспитание в случае его сиротства. В свою очередь, крестник должен заботиться о старых и больных крёстных родителях. Первым крестником у девушки должен быть только мальчик, у юноши – только девочка. В противном случае у каждого из них «наперекосяк своя жизнь пойдёт». Если в семье прежде случались смерти детей, в кумовья брали первого встречного, именуемого «божьем кумом» (Ракитянский, Краснояружский, Яковлевский районы).

*... А вызвалась вот Марьюшка кумою
Да прибрала Иванушку с собою.
Ох, та да у нас весела беседа,
Вот беседа да беседа – веселье!*

*Величальная песня крёстным,
Ракитянский район*

Ко дню крестин младенцу готовилось «приданое»: «крестьянская» распашонка с вышивкой и кружевами, в которой впоследствии крестили всех детей в семье; пелёнка «торговая» (из покупной ткани), а чаще – сшитая из венчальной рубахи отца; стёганное руками одеяло с атласной серединой, с оборками из лент. Крестик для малыша покупал крёстный отец. Крёстная мать предоставляла нарядное полотенце священнику «утереть руки». Торжество завершалось крестильным обедом, или «бабиной кашей». Обряды с «бабиной кашей» обязательно включали её «продажу» гостям и отцу взамен на подарки младенцу и деньги повитухе «на зубок». Кашу было принято съесть до конца, «чтобы ребёнок не стал рябым». Гости пили за здоровье новорождённого,

► Будущий наездник.
Художник А. Моравов.
1910

► Дети на сенокосе.
Фотография начала XX века

желали родителям «вспойть, вскормить и на коня посадить» – сына, «вспойть, вскормить, рукоделием наделить, к венцу проводить» – дочь.

Когда малышу исполнялся год, кумовья и ближайшие родственники приглашались на обряд «пострига». Крёстные родители состригали с головы ребёнка прядку волос, «крестиком», дарили ему денежку, рубашку и пояс. Затем устраивалась праздничная трапеза, которая итожила вхождение ребёнка «в первый разум».

*Ай, дыбок, дыбок, дыбок,
Скоро Стёпушке годок,
Ходите, наши ножки,
Твёрдо по дорожке.*

*А с дорожки – во садок,
А потом – в городок!*

*Потешка, село Рождествено
Валуйского района*

Народные игры отражают национальные черты характера, бытовой уклад жизни народа. В играх формируются молодецкая удаль, сила, ловкость мальчиков, достоинство, скромность, весёлый нрав девочек. Установка на сближение подростков в преддверии юности находила отражение и в хороводных играх на любовную тему, готовивших молодёжь «русский крестьянский род-племя продолжить».

Из спортивных игр в крае наиболее популярны прятки, «в коршуна», «кулючки», кошки-мышки, жмурки, лапта, «столбы», салки, «волк и гуси». Многие из них сохранили отголоски древности, приметы давно ушедшего быта. Так, разнообразные варианты игры в прятки содержат в себе память о старинных приёмах воспитания детей, подготовки их к боям и охоте.

В хороводных играх принимали участие не только малые дети, но и молодёжь: «Костромушка-Кострома», «Селезень утицу загонял», «Каравай», «Король по городу ходя»,

«Ходя ли барень по карагуду», «Василёк-королёк», «У нас по бору, бору», «Бояре», «Просо» и многие другие.

Во многих играх имитируется повседневная работа взрослых: домашние хлопоты, семейные взаимоотношения, труд в поле. Это давало возможность с малых лет приучить детей к существующему порядку вещей, подготовить их к труду и самостоятельной жизни.

Простейший нравственный урок о том, что в семье трудовые нагрузки разделены в соответствии с физическими и возрастными возможностями каждого, даже самого малого, отражён в потешке, записанной в селе Безгодовка Валуйского района:

*Большаку дрова рубить
(теребят большой палец).
А тебе воды носить
(указательный палец).
Тебе печку топить (средний палец).
Тебе кашку варить (безымянный).
Тебе песен петь (мизинец).
Песни петь да плясать,
Родных братьев потешать!*

Исследователи отмечают, что русские крестьянские дети только по дому были за-

няты в 85 видах работы. И это не считая общего труда в поле, на огороде, в саду, к которому они приучались с 5–6 лет. К примеру, первой обязанностью 5–7-летней девочки было «пестунье» младших братьев и сестёр, которые звали её «няней». Кроме того, она подметала пол, присматривала за домашней птицей и мелкими животными, загоняла корову с пастбища во двор, подбирала колоски по жнивью, помогала в посадке и сборе картофеля и овощей. Девочка 10–11 лет уже вязала снопы за матерью-жницей, ухаживала за коровой, помогала готовить еду для всей семьи. В 12–13 лет она умела жать, полоть, шевелить и сгребать сено, доить коров, стирать. К пятнадцати годам приобретала все знания, необходимые крестьянской женщине, будущей хозяйке дома.

▲ Утро в деревне.
Художник Н. Кошелев.
1880-е

▼ В избе.
Художник Л. Барбарин.
Середина XX века

▲ У хаты.
Художник В. Сычков.
1915

▼ Бондари.
Семейное ремесло.
Фотография конца XIX века

Сызмальства матери приучали дочек шить и прясть. В селе Казацком Красногвардейского района существовал обычай: первая нитка, спрядённая девочкой, использовалась впоследствии как оберег в канун её замужества. Практически всё приданое (одежда, бельё), дары для жениховой родни невеста готовила собственноручно. Да и в последующем ей предстояло одевать всю семью. «Какова пряжа, такова на ней и рубаха», – говорили на селе. Девушки, собравшись на «вечёрки», никогда не сидели празднично: игры, пляски, «лелёшные» песни начинались лишь после того, как окончательно рукоделие, дабы не услышать осуждения старших: «Ткать не взумея, а играть, плясать пошла!»

Подготовка мальчиков к трудовой деятельности была более длительной, так как требовала большего физического развития. Начиналась она в 7–8 лет со знакомства с отцовским ремеслом. В 10 практически любой деревенский подросток правил лошадью, самостоятельно ездил в ночное, помогал отцу в поле, при заготовке дров и сена, зимой – в подготовке инвентаря и изготовлении лаптей. В 13 лет мальчик приучался к пахоте и впервые брал в руки косу. Возможность косить на хороших лугах вместе со взрослыми мужчинами он получал только в 16 лет, когда «входил в силу». Сев, как самую трудную и ответственную работу, осваивал в 18 лет. Параллельно с этим шло и обучение серьёзному ремеслу у мастера в течение двух-трёх зим.

Воспитание детей и подростков заключалось в передаче им не только трудовых знаний и навыков, но и своеобразного кодекса «жития русского человека»: любовь к земле, родному дому, уважительное отношение к родителям и старым людям, забота о слабых, соборность, трудолюбие, доброта, справедливость, честь и достоинство – те нравственные ценности, которые формируются «дедовским наследием».

Белгородская свадьба

Свадьба всегда считалась важнейшим событием в жизни русских крестьян. Вся предстоящая жизнь молодых людей рассматривалась как подготовка к этому шагу.

Примечательно, что каждый из 22 районов Белгородчины и даже каждый населённый пункт имеют свои характерные особенности свадебного обряда. Где-то ярче сохранился один элемент свадебной игры, в других местах – другой. Но в любом случае сложный, красочный обряд включал типичные для южнорусской свадьбы три этапа: предсвадебный (сговор, сватовство, «пропой», смотрины, девичник, «парнишник», выкуп приданого); свадебный (выпечка свадебных караваев, утро свадебного дня в доме невесты, сборы свадебного поезда в доме жениха, приезд «поезжан», выкуп невесты для жениха, родительское благословение, отъезд молодых ко венцу, встреча новобрачных в доме жениха, «повивание», одаривание, свадебный пир с величанием невесты, жениха, родителей, гостей); послесвадебный (бужение молодоженов утром, «позывание» гостей, их ряжение, катание родителей по улицам, свадебный обед, «распущение» свадьбы, послесвадебные визиты молодой четы).

Каждый из элементов этого своеобразного спектакля (а их порядка 30) имеет свои местные названия. К примеру, сговор в ряде районов области именуют «приглядками», «спрашиванием»; «пропой» – «своднушками», «рукобительем»; смотрины – «оглядинами», «двороглядием»; девичник – «вечаринами», «вечёрками»; окончание свадьбы – «распущением», «забиванием кола», «сжиганием пана», «тушением овина».

Время для свадеб определялось земледельческим календарём: осенью – в осенний мясоед (октябрь – ноябрь), зимой – в Рождественский мясоед (январь), а также после окончания весенних полевых работ – от Красной Горки до Троицы. Влиял на вы-

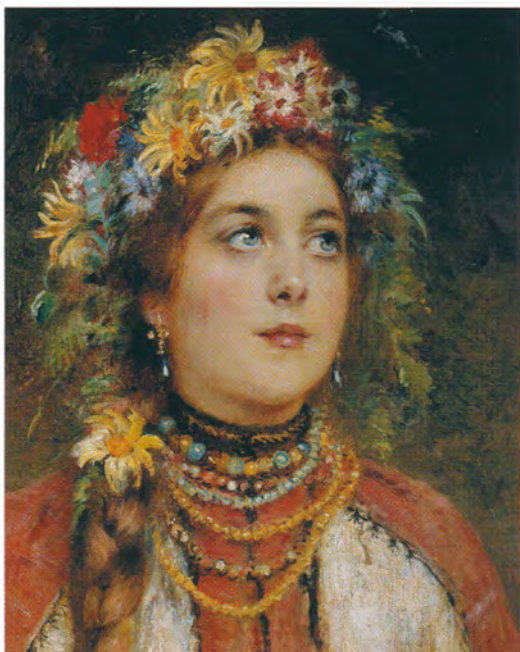

◀ *Ответа жду.*
Художник М. Иванов,
1900

бор дня и церковный календарь: не играли свадьбы в продолжение всех постов, в храмовые и великие праздники. На осенне-зимний период свадеб приходилось «кучно и грудно», то есть особенно много. Они отличались большим размахом веселья, обилием угощения.

Молодые люди могли познакомиться на праздничных гуляньях. В будни девушки собирались у кого-нибудь в избе на посиделки, чтобы вместе прясть, шить, вышивать, а окончив работу – попеть и поплясать с приглашёнными парнями. Парень выбирал «подходящую» девушку себе по сердцу: и пригожую, и работающую, и весёлую.

► Русская красавица в венке из полевых цветов.
Художник К. Маковский.
1880

Вот как описывает «карагодная» песня села Иловка Алексеевского района красавицу на выданье: «...Она личиком полна, а бровками чёрна. Да бровками чёрна, чёрна, черноброва!» Наряд девушки (а всю одежду она шила себе сама) влиял на то, как её оценят: «Девоч замуж берут, коли они тонко прядут, коли гладко ткут». Желание казаться

▼ Пряжи.
Художник И. Куликов.
1903

солидней, здоровей («дородней») понуждало девиц надевать на себя несколько чулок, рубах, сарафанов: «По три мыла измывала, по три юбки надевала, четвёртую душагрейку» (село Афанасьевка Алексеевского района).

Юноша мог объявить отцу и матери о своём выборе. Но в итоге окончательное решение принимали родители, а молодым людям оставалось только покориться их воле. Главную роль при этом играли имущественные соображения. Поскольку в приданое за невестой давали землю, чаще всего браки совершались в пределах одного населённого пункта.

Зачин предсвадебному периоду давал семейный «сход». На нём обсуждались личностные качества избранницы, размер приданого, свадебные расходы, включая и сумму выкупа. Принятые «сходом» решения исполнялись неукоснительно.

Учёные считают, что традиционное *сватанье* выросло из древнейшей формы народной культуры: магических заклинательных культов, связанных с миром окружающей природы. Подтверждение тому – присутствие иносказаний из сферы охоты: куница, утица, селезень, лебедь, голубка и, конечно же, «охотник» (жених).

В этой части обряда присутствует особый символический язык знаков. Если, к примеру, на крыльце сватов встречал «гарбуз» (тыква), это означало, что сватовство не сложится (Валуйский, Волоконовский, Краснояружский районы). Принятый матерью невесты и разрезанный пополам каравай означал благополучный исход дела (Губкинский, Чернянский районы). Если невеста на «погляд» выходила в «перевязке» (девичий головной убор), значит, жених ей люб (Алексеевский район). И если она садилась на лавку по правую сторону от матери, это свидетельствовало о её согласии подчиниться воле родителей (Красногвардейский район). Выпитая отцом невесты чарка подтверждала принятое им положительное решение (Шебекинский район).

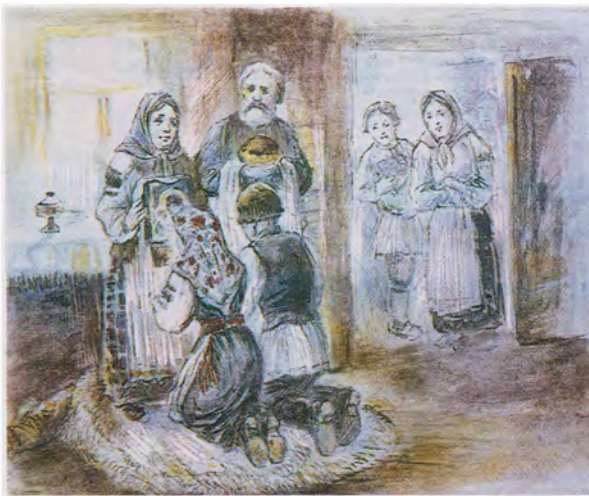
« Сваты.
Художник Н. Пимоненко.
1896

Действия сватов («сходатаев») обставлены и обрядами оберегающей магии, и православными традициями. Так, было не принято свататься в среду и пятницу, потому что «негоже в день поста о женитьбе думать». К тому же, «кто в пятницу новое дело начинает, у того оно будет пятиться» (Алексеевский район). Перед «дорожкой» молились на восток, пили крещенскую воду и со словами «Господи, благослови!» брали каравай, завернутый в обрядовое полотенце. Для удачи связывали подпояской ножки стола (Старооскольский район). Боясь «сглаза», выходили из дома вечером, шли закоулками, не оглядываясь, «споро», чтобы так же дело ладилось. Чтобы обмануть «неудачу», шли мимо двора невесты (Яковлевский район). Дабы заручиться поддержкой добрых сил

дома, сваха старалась прислониться в доме невесты к дверному косяку и к печи. Садиться ей не полагалось, иначе «дело не пойдёт» (Валуйский, Красногвардейский районы).

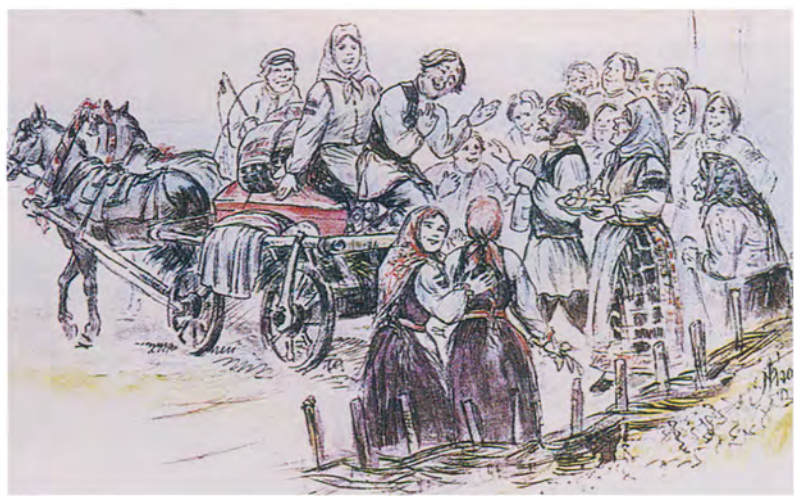

« Сватовство. Из серии
«Белгородская свадьба».
Художник Л. Барбарин.
Первая половина XX века

▲ *Благословение. Из серии «Белгородская свадьба». Художник Л. Барбарин. Первая половина XX века*

▲▶ *Приданое невесты. Из серии «Белгородская свадьба». Художник Л. Барбарин. Первая половина XX века*

За сватовством следовал *сговор* («пропой», *договор*, *смотрины*, «рукобитье») – первая званная вечеринка в доме невесты. Эта часть обряда на Белгородчине проходила в форме купли-продажи. Более того, в Старооскольском районе девушки-подружки не впускали сватов во двор без выкупа. В свою очередь, после сговора жениху вручали «вено» (сумму денег, причитающуюся за невестой).

Сговор считался настоящим началом свадьбы. Теперь дело могло расстроиться лишь в исключительном случае. Именно со сговора девушка обретала статус невесты, «просватанной», «молодой». Она впервые называла родителей жениха батюшкой и матушкой, а обе стороны получали право величать друг друга сватами:

*Как у свата во дворе, у Ивана Петровича,
В колокол ударили, с зятем поздравили!*

Со сговора начиналась длинная череда свадебных приготовлений, включающих «поглядки» в доме невесты, «двороглядие» – у жениха, «рукобитье» сватов. С этого периода и вплоть до отъезда из родительского дома невеста должна была «выказывать» свою любовь отцу-матери, роду-племени, девушкам-подружкам в плачах и причетах:

*– Государыня моя, родна матушка,
Нельзя ли дума одумати.
Меня замуж не выдати?
– Ты, дитя моё, дитятко.
Ты, дитя моё, милое.
У нас всё дело слажено,
У нас на слово положено.
По рукам у нас со сватами ударено...*

После сговора жениху разрешалось ночевать у невесты (сёла Корочанского, Новооскольского, Шебекинского районов). Однако в большинстве регионов края к обычаям такого рода сельская община относилась крайне отрицательно.

С момента, когда свадьба решена, жениху и невесте ограничивали прежнюю свободу («На широкую улицу больше не хаживать, карагоды не важивать»). Подружки помогали девице собирать приданое: «Много шубок, много юбок, много душегреек, чулочки, черевички, сафьяновые сапожечки». Нужно ей было озаботиться и дарами для новой родни: «Свёкру и свёкре – альняные рубашонки, деверёчкам – по порточкам, золовушкам – по платочку, разлюбезному дружочку – крестом вышитую рубаху и тканый покромочек».

Следуя стародавней традиции – «сначала приданое во двор, потом невесту за стол», – за два дня до свадьбы приданое отправляли в дом жениха в сопровождении свахи, тётки и

мальчика, который нес образ (икону). Обряд сопровождался шуточным торгом и песнями, воздающими честь-хвалу семье невесты:

*Вот наша сестра Аннушка,
Умного рода, да богатого дома.
Вот шубочки да обрядочки
Поломают у Ивана грядочки.
Расшитые рушничочки
Поломают в доме крючочки.
Ох, дубовые сундучочки
Провалят в доме полочки!
Село Карташовка
Прохоровского района*

Для большинства районов края традиционен обряд «рубашников», когда невеста посылала жениху дары – рубаху и пояс, получая взамен шитый бисером платок и серьги.

Накануне свадьбы проходили девичник и «парнишник», своего рода прощальные вечеринки. Их проводили в домах невесты и жениха отдельно друг от друга, под величальные песни и благословение родителей. Для обоих случаев выпекали особые булочки – «шишки» и караваи.

Для «парнишника» характерен обряд, связанный с украшением «деревца» (веточки сосны). Причём право выбора сосенки для рубки предоставлялось жениху (Красногвардейский район). Изначальный смысл этого действия, по всей вероятности, кроется в почитании мифологического образа мирового древа, основы мироздания, и опосредованно – девушки-невесты. Дружки жениха учиняли молодецкие «шалости» на чужих дворах и огородах, что было крайне предосудительно в другие дни (Красногвардейский, Валуйский районы).

И на девичнике украшали сноп и свадебное «деревце» (веточку калины, берёзы или липы) красными лентами, выпеченными фигурками домашних животных и птиц. Символом прощания невесты с подругами и вольной волюшкой повсеместно был «косник» или лента: «Подарю я вам, вы подруженьки, красу девичью свою».

День свадьбы – апофеоз свадебного действия. Он включает наиболее важные магические, символические и игровые эпизоды, нацеленные на семейное благополучие молодых.

♦ Девичник.
Художник А. Корзухин.
1889

► Девушка перед зеркалом.
Художник Ф. Будкин.
1848

►► Благословение
на свадьбу.
Художник С. Грибков.
1886

Утро свадебного дня в доме невесты начиналось с традиционного плетения косы под обрядовую песню «Трубушки». Невеста прощалась с родительским караваем: «Скажи, скажи, батюшка, какова семья будет, какие морозы?»; «позывала» жениха: «Да на горушке жёлтый цвет, да что ж тебя, Иванушка, долго нет?». Её одевали в традиционный девичий комплекс одежды, исключая подпояску, «чтоб жить роскошно». В песнях изображаются трудности замужней жизни: «Поздно вечером ложиться, рано утром вста-

► Свадебный поезд.
Художник В. Бучкури.
1903–1905

« Венчание.
Из серии «Белгородская
свадьба».
Художник Л. Барбарин.
Первая половина XX века

вать, свёкра-батюшку и мужа почитать, свекровушке, золовушкам – угождать». Невеста выражает тоску-печаль, покидая родительский дом: «Кабы мне не тошно было, я бы так не плакала, бело лицо не слезила, ясны очи не тускнила».

Утро свадебного дня в доме жениха тоже начиналось с чесания кудрей «молодому князю»: «Николая мамушка всю ночушку не спала, лучинушкой светила, гребёнушку искала, Николаюшке кудри чесала, Ивановичу гладила». Для него исполнялись обрядовые песни: «Хочут ковать дружилого коня на четыре ноги», «По-за деревьюшком Иванушка гуляя, в утёнушка-лебёдушка стреляя, Николаюшка ходил, перепёлушек ловил, перепёлок молодых, коростёлок луговых», «Эх, выиграли, да выиграли Ивановы кони».

Приезд свадебного поезда сопровождается «поезжанскими» песнями: «Приедут бояре, привезут карету, карету дворянина, дворянского сына», «Выметайте дворы, застилайте столы, вот едут дружочки есть пирожочки, в

масло умокати, чтоб сильнее кричати: «Отворяй, сват, хату!»»

Выкуп невесты, её косы, для жениха превращался в импровизированный спектакль. Дружка, «подружье», «свашки», гости – действующие лица, каждый со своей ролью. В песнях чередуются похвалы им и шуточные «корилки».

Раскланявшись на все четыре стороны, молодые рассаживались по саням, чтобы ехать в церковь на венчание: дружка с «подружьём» и женихом – в первые, невеста со свахой и крёстной матерью – во вторые. За ними – «бояре, поезжане» (званные гости) по старшинству и родству.

Из церкви новобрачных везут в дом жениха в одних санях, но по другой дороге, «от сглаза». Дорожку перед ними разметают лиственным веником, строго следя, чтобы никто посторонний не ступил на неё. Саням надлежит проехать через костёр, чтобы «очиститься» силой огня. Молодожёнов осыпают хмелем, зерном, монетами:

★ Встреча молодых
в доме жениха. Из серии
«Белгородская свадьба».
Художник Л. Барбарин.
Первая половина XX века

▼ Повивание. Из серии
«Белгородская свадьба».
Художник Л. Барбарин.
Первая половина XX века

*Идя павень, идя павень да и с павушкою,
Вот к ним в гости, вот к ним гости
соезжались.*

*Они ж ими, они ж ими дивовалися,
Что за пара, что за пара подобрался!*
Село Теребрено
Краснояржужского района

На пороге дома молодых встречают родители жениха, благословляя: отец – иконою, а мать – иконою и хлебом-солью.

За столом молодожёнов усаживают на шубу, положенную шерстью кверху («на богатство»), и начинают «вершить повивание» («окручивание»). Смена девичьего комплекса одежды на женский, включая головной убор, означает переход девушки в статус замужней женщины как конец её прежней жизни, как знамение её женской судьбы и предвестие грядущих испытаний: «Свечи горят повивальные, трубы трубят позолоченные», «Благословите, сваты, переводить девицу на молодницу!»

Далее следовал торжественный обряд *одалживания*: невеста первая с поклоном вручала приготовленные ею дары родителям жениха и ближайшей родне («Первая заботушка – свёкор и свекровушка, другая заботушка – деверя и невестушки»). А затем дары преподносили все «любимые гости» по очереди. Самым желанным даром почитались домашняя живность и зерно: «Дарим козу рогатую, чтобы была ваша семейка богатая! Дарим овцу комолую, чтобы была семья весёлая! Дарим пшеницы мешок, чтобы первым родился сынок! Дарим мёда бочку, чтобы рождались и сыновья, и дочки!»

Брачную постель обустроивали в неотапливаемом помещении, на снопах, покрытых шубами. В холодной клети им полагалось «всю ночь греть друг друга, чтобы дети у них не болели и не боялись холода». По дороге молодых осыпали зерном и хмелем, ноги им связывали вместе поясом, в изголовье помещали каравай и кувшин молока. В ряде мест Белгородско-Воронежского региона было принято бросать на постель пояс «для крепости брачных уз».

Послесвадебный период начинался с бужения новобрачных. Они возвращались к гостям под величальную песню «Одеянье было тёплое, обниманье было крепкое, целование было сладкое». В Валуйском районе существовал обычай осмотра постели свахой после

▲ Деревенская свадьба.
Художник Л. Барбарин.
Первая половина XX века

первой брачной ночи, и по его итогам дружка вручал матери невесты или подарок, или ложку с дырой. В ряде мест, если невеста оказывалась «худой», её родителям надевали на голову лошадиные хомуты. Красная ленточка над воротами дома свидетельствовала о девичьей чести молодой, и зять принародно целовал тещу под величальные песни.

Затем молодых ждала обрядовая баня и первое совместное мытьё под ритуальную песню «Села пава на лавку, сама слёзно плачет, всё по девичьей воле». А гости продолжали веселиться, устраивали пляски, розыгрыши и пародийные свадебные действия, катали сватов на тройке, «запряжённой» тремя парнями, «купали» матерей в любом водоёме, а зимой – в снегу. Молодой жене устраивали ритуальные испытания: велели ей мести полы, белить печь, носить воду, печь блины. Наконец, все угощались досыта и допьяна на пиру, называемом «княжеский стол».

Бытовавшие в ряде мест «отводины» и «обнедельки» после самой свадьбы расширяли рамки празднования до двух недель. В течение этого периода молодожёнов по очереди

принимало «сродство» (родственники), радушно потчует и одаривая. Это способствовало укреплению родственных связей и добрых семейных традиций: почитания старших, гостеприимства, щедрости, трудолюбия, коллективизма, чувства собственного достоинства, взаимного уважения, хозяйственности, умения содержать семью.

▼ Злая свекровь.
Художник В. Максимов.
1892

Смерть и погребение

В обрядах погребения на Белгородчине сохранились следы глубокой древности.

Селяне верили, что скорую смерть предвещают вещие сны: о новом жилище, о белом одеянии, о глубокой яме или бездне. Верная примета, если птица постучит в окно или влетит в дом...

Приближение кончины многие чувствуют, особенно старые люди. А потому в мир иной готовились заранее: складывали «смертное» (узелок с одеждой), раньше даже «домовину» (гроб) делали, храня «до времени» на чердаке.

Чувствуя приход смерти, глава семьи велел сыновьям вывести его во двор или в поле и, кланяясь на все четыре стороны, просил прощения у земли-матушки и света белого. Женщина прощалась с детьми, печью, соседями, не забыв попросить у всех прощения. Так воздавалось должное природной стихии, домашнему очагу, людям, живущим рядом. Совершив положенное, старики ложились

на лавку в красный угол и, как утверждают старожилы, очень легко умирали. Если же смерть не приходила, домочадцы открывали печную заслонку и задвижку в трубе, чтобы облегчить переход души в другой мир. Сегодня бытуют несколько иные представления: полагают, что только «тёмная душа» (колдуна и колдуньи) не может спокойно вознестись на небеса, а потому ей необходима вот такая «помощь».

Покойника обмывали и «обряжали» в новый наряд. Причём молодых парней и девушек одевали «как под венец», ибо свою главную жизненную функцию им надлежало выполнить «на том свете». В данном случае похороны как бы отождествлялись со свадьбой. Об этом свидетельствуют найденные на кладбищах в ряде деревень Алексеевского и Красногвардейского районов головные уборы невест. Не полагалось надевать на мёртвого одежду живого человека: «Заберёт с собой». Эта боязнь заставляла домочадцев сжигать и старую одежду умершего, а оставшуюся (новую) раздавать его сверстникам «на помин души».

► Последняя воля
(Умирающий крестьянин).
Художник
Н. Богданов-Бельский.
1893

« Больной муж.
Художник В. Максимов.
1881

О смерти селянина обязательно извещали местного священника, который приказывал звонить в колокол, а сам являлся в дом усопшего. Мертвеца укладывали посредине комнаты на стол, сложив крестообразно руки на груди, прикрыв до пояса белым полотном. В одну руку ему вкладывали крест, в другую – зажжённую свечу. Священник читал отходную молитву, а все присутствующие молились со свечами в руках.

По умершему плакали и причитали все его близкие без перерыва, по одному или сразу несколько человек, ровно сутки. Тексты плачей и причитаний представляли собой индивидуальную импровизацию каждой плакальщицы. В них выражалась скорбь и воспевались заслуги умершего в жизни, выказывались сетования на то, как семье «придётся худо» без него.

Чтобы покойный «на новое место хорошо добрался», ему клали в рот копейку. В гроб

клали молитвенный «пропуск на тот свет», а если случалось в суете забыть, то «передавали» его с другим усопшим. В стародавние времена давали мертвецу с собой даже ложку и чашку, «чтоб ни в чём там не нуждался» (Валуйский район). Из-за тесной обуви покойник, как считали, «во сне приходить будет за другой».

Предать усопшего земле надлежало на третий день, после полудня, обязательно до захода солнца, «коли оно ещё высоко и лучезарно». Могилу рыли лишь в день похорон. Оставлять яму на ночь пустой не полагалось: «Умрёт ещё кто-то в семье».

О дне погребения селян извещал протяжный и заунывный звон большого колокола, который у каждого вызывал скорбное: «Упокой, Господи, душу усопшего! Вечная ему память!»

Из дома гроб выносили на рушниках, ногами вперед, «чтобы покойный видел, куда

► Проводы покойника.
Художник В. Перов.
1865

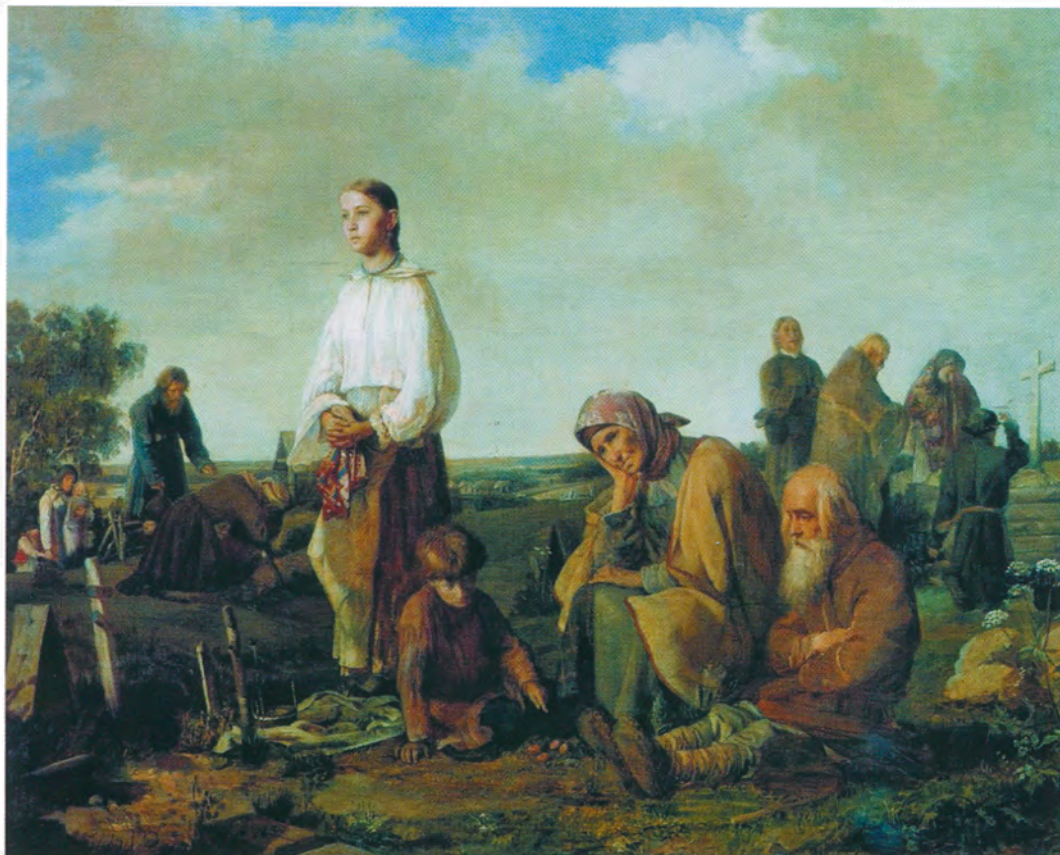
несут, но не видел – откуда». Не забывали стукнуть об порог: так хозяин с домом прощался. Следом сразу же закрывали дверь, изгоняя смерть, и мели земляные полы (деревянные – мыли). До кладбища покойного несли на руках, останавливаясь на всех перекрёстках, чтобы соседи могли проститься с ним. Впереди процессии несли крест, на дорогу бросали цветы, а в ряде мест и деньги, «чтоб в новой жизни легче жилось». Близким родственникам и особенно детям гроб нести не полагается. У могилы происходит последнее прощание родных с усопшим. Ему развязывают пояс, «чтоб душа вольно жила». Наконец, над могилой провозглашается «Вечная память». Горсть земли, брошенная на гроб, служит последним знаком прощания. В ногах на могиле ставят деревянный крест, окрашенный зелё-

ной или голубой краской. Головой покойного обращают на восток.

Как и везде в России, места на общем кладбище лишались самоубийцы, их хоронили в поле или в лесу. Плакать над утопленником не полагалось, ибо «слёзы напоминали ему, как он ушёл из жизни». На могилах некрещёных покойников кресты не ставили, а сажали деревцо.

Завершался обряд погребения благочестивой трапезой – поминальным обедом в доме усопшего, куда приходили все селяне без приглашения. Было принято ставить лишний прибор и для покойного.

До сих пор сохранился обычай помянуть покойников на девятый, сороковой день и в годовщину смерти. В народном календаре дням поминовения отведено особое место, среди

◀ *Памянки на кладбище.*
Художник А. Корзухин.
1865

них важнейшие – это Дмитриевская суббота, Радоница, Красная Горка, Троицкая родительская суббота. Кроме того, на Белгородчине особым поминальным днём до сих пор почитается пятница.

Нередко именами усопших называют родившихся в семье детей, полагая, что душа покойного может воротиться с приходом в жизнь новорождённого младенца.

«Сеешь живучи, жнёшь умираючи!» – гласит народная мудрость. Следуя ей, добродетельный человек с молодых лет организовывал свою жизнь сообразно мудрым заповедям предков и общечеловеческим ценностям, ощущая себя частицей социально-природного сообщества, за крепость, порядок и гармонию которого он был в ответе перед людьми и Богом.

◀ *Старики-родители на могиле сына.*
Художник В. Перов.
1874

НАРОДНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Песни и пляски

Богатые фольклорные традиции Белгородского края сформировались благодаря переплетению в течение последних пяти сот лет самобытных культур многих народов, этнических групп и социальных слоёв.

Особенно широко представлены в крае песни, связанные со старинными обрядами и праздниками календарно-земледельческого круга и семейно-бытового назначения.

Певческая исполнительская традиция Белгородчины – яркая, звонкая, открытая. Несколько резкая и энергичная подача звука обусловлена открытым пространством, ширью полей и лугов, а также и темпераментом местных жителей, певучестью местного «акающего» и «якающего» говора. В целом для песенной традиции края характерно бытование сезонных хороводных («карагодных») песен,

их приуроченность к определённому времени года, повсеместное распространение «алилешных» песен с характерными припевами: «лэли, лэли», «ляли, ляли», «алилей-лэли, ляли». Они подвижны, ритмически чётки, исполняются с опорой на хореографию.

Каждый из трёх регионов края обладает своими особенностями музыкальной культуры.

В русских сёлах, входящих в состав Белгородско-Курского региона (Грайворонский, Борисовский, Ракитянский, Краснояружский, Ивнянский, Яковлевский, Прохоровский, частично Шебекинский районы) традиционные напевы ритмичны, динамичны, их мелодический рисунок прост и скуп. Основу песенного репертуара составляют сезонные хороводные песни и их особые разновидности: «карагоды», «танки» и хороводы с вышитыми полотенцами («ширинки»).

◀ Песнь Белогорья.
Художники А. Мамонтов,
М. Парахненко. 1983

◀ Деревенская улица.
Художник Л. Барбарин.
Первая половина XX века

В Грайворонском, Борисовском, Краснояружском, Ракитянском, Яковлевском районах бытовала традиция межсельских «танков», игр и плясок «на гранях», то есть на территории, пограничной между двумя-тремя сёлами. Отголоски этой древней традиции, как и обычая умыкания невесты, просматриваются и в записанных в регионе хороводных играх: «А мы просо сеяли», «Король по городу ходя».

Очень разнообразны здесь святочные песни: *христославия, колядки, щедровки, «засевания»*.

Не менее интересны песни шуточные, игровые, колыбельные и особенно свадебные. В их числе – *«трубушки», «каравайные», «поезжанские», «повивальные», «беседные», корильные, гостевые, плясовые, шуточные, благодарственные*.

Однако в песенном фольклоре Белгородско-Курского региона почти полностью отсутствуют традиционные протяжные лири-

ХОРОВОДЫ «С ШИРИНКАМИ» водили на Красную горку. Парни и девушки, держась за руки, становились в две линии лицом друг к другу. Две пары, стоявшие по краям людского «коридора», держали в руках по полотенцу. Последняя по ходу движения хоровода пара, приплясывая, входила внутрь «коридора», увлекая за собой остальных. Проходя под полотенцем, танцующие продвигались вперёд. Таким способом жители со всех улиц и даже близлежащих сёл шли до самого луга, где начинались пляски.

ческие песни. Местная лирика представлена либо поздними городскими романсами, либо песнями украинского происхождения. Наряду с выражением «играть» песню народные исполнители говорят «кричать» или «скричать» песню.

Уникален музыкальный фольклор Белгородско-Воронежского региона (Алексеевский, Красненский, Красногвардейский, Старо-

«КАРАГОД» – хороводная круговая пляска «в кружку». Главную роль в ней играет индивидуальное мастерство мужчин: «хазунов», «скакунов», «крыловинов». И сегодня круговые «карагоды» с пляской можно видеть в сельской среде.

«ТАНОЧНЫЕ» ПЕСНИ сопровождаются хороводами некругового типа с более сложными хореографическими построениями и множеством фигур. Как правило, «танки» водили в строго определённое время года, чаще всего весной и летом.

► Народное гуляние на Крещение Господне. Село Подсерединое Алексеевского района

В Белгородско-Воронежском регионе отмечен самобытный танцевальный приём – «пересек». Один исполнитель выбивает ногами ровный ритм, остальные «накладывают» на него другой ритм – пересекающий. Учёные полагают, что такой танец имитирует процесс молотбы зерна несколькими цепями.

«Белгородские напевы на колхозных нивах. Художник А. Мамонтов. 1982»

оскольский районы, село Боровое Новооскольского района). В репертуаре аутентичных ансамблей сёл Нижняя Покровка Красногвардейского района и Подсереднее Алексеевского района сохранились лирико-эпические песни о борьбе русских с татарами. Так, во многих вариантах бытует баллада о вражьем полоне «Татары шли», записанная в Подсереднем.

Протяжные лирические песни здесь именуют «долгими», «тяглыми», «стяжными». Одно из главных их достоинств – богатство многоголосного распева. Причём именно в местной песенной лирике важную роль играет мужское начало: тексты излагаются от лица представителей сильного пола. Это связано с периодом освоения Дикого поля и строительством городов-крепостей на южных рубежах Московского государства с конца XVI–XVII века.

В Белгородско-Воронежском регионе очень мало песен, имеющих календарную обрядовую приуроченность и не связанных при этом с хореографией. Это единичные образцы *семицких, троицких песен, колядок,*

щедровок. Зато в огромном количестве бытуют весенние, летние, зимние хороводные песни с пляской, песни-игры. По местным представлениям, термин «петь» применим лишь к церковным песнопениям, а хороводные и свадебные песни – «играют».

«Бабушкина песня. Из серии «Белгородский фольклор». Художник В. Желобок. 1988»

▲ «Повивание» невесты.
Село Большебыково.
Красногвардейского района

▲ Фольклорный ансамбль
села Казацкого
Красногвардейского района

Сохранился в этом регионе и богатый пласт детского фольклора: множество колыбельных песен, пестушек, прибауток-потешек, небылиц, сказок с песенками.

Самобытен песенный фольклор Белгородско-Оскольского региона (Валуйский, Волоконовский, Новооскольский, Чернянский, Губкинский, Белгородский, частично Корочанский и Вейделёвский районы). Свои особые сезонные песни имеются здесь для каждого времени года, для каждой знаменательной даты земледельческого календаря: святочные, масленичные, семицкие, покос-

В селе Фощеватово Волоконовского района сложилась уникальная традиция, идущая от культуры «служилых людей» южнорусского пограничья. Свадебные песни здесь исполняют два женских хора канонно, то есть один хор ведёт песню – рассказывает текст, а второй вступает вслед, «лелёкает» припевные слова. Перед тем как начать «изгру» такой песни, певицы договариваются между собой: «Мы будем приказывать, а вы – лелёкать».

До сих пор нигде в России, ни в прошлом, ни теперь, не было зафиксировано подобного исполнения. Двуххорное пение села Фощеватово внесено в список нематериального культурного наследия народов России.

ные, жатвенные, величальные «полевые» песни, исполняемые при прополке. Чрезвычайно богат местный свадебный репертуар, представленный величальными с неизменным припевом «душень мой», «ладо, ладо», лирическими, гостевыми, застольными, шуточными песнями.

В сёлах этого региона можно услышать типичные для русского юга лирические песни, звучащие на «беседах», посиделках, во время уличных гуляний. Им присуща тонкая отточенность поэтического языка, разнообразие эпитетов, метафор, широта мелодического развития, использование размашистых интонационных ходов (в объёме сексты, септимы), богатство мелодической орнаментики, многоголосие, октавный подголосок, уникальный исполнительский приём «взвизгивание» (сёла Двудлчное, Шелаево, Колосково Валуйского района).

Точно так же каждый из трёх регионов Белгородской области имеет свой, только ему присущий стиль народных танцев. На их формирование повлияли одежда, специфика труда, природные и социальные факторы. Вместе с тем у этих региональных традиций много и общих черт, обусловленных близкими природными условиями, особенностями быта, сходной обрядностью и постоянными контактами населения.

▲ Крестьянин и крестьянка, играющие на дудке и кугиклах

▼ Дудник лесной. Служил для изготовления травяных дудок

Инструментальная музыка

Важнейшая составная часть музыкального фольклора Белгородчины – народные инструменты и инструментальная музыка.

Наиболее разнообразны *духовые инструменты*. Многие из них имеют очень древнее происхождение. Их делали из дерева, тростника, камыша, стеблей зонтичных и сложноцветных растений, глины, рогов животных.

К числу *струнных инструментов*, бытующих в крае повсеместно, относится балалайка, в ряде мест – скрипка и мандолина, в южных районах – мандолина и бандура. В наши дни довольно широкое распространение получили гитара и гармоника.

Среди *ударных инструментов* популярны были повсеместно любимые в народе

▲ Рубель и скалка

► Трещотка

ложки, бубны и барабаны. Оригинальным инструментом служило лезвие косы: исполнитель в такт наигрышу слегка подбрасывал его, ударяя деревянной палочкой, зажатой в правой руке. В ряде районов, граничащих с Курской областью, играли на трещотках. «Трескучий» звук давал также деревянный рубель, с помощью которого хозяйки обычно стирали и гладили бельё.

Одно из недавних уникальных открытий отечественной фольклористики – традиция игры на обертоновой флейте, или травяной дудке. Первые материалы о ней были получены в августе 1980 года студентами Московской и Ленинградской консерваторий в сёлах Подсереднее и Большебыково. Впоследствии удалось установить, что этот инструмент бытовал на территории Алексеевского, Красногвардейского и Валуйского районов.

На травяных дудках играли летом и по осени, с середины июля и до самых холодов. Именно в это время года для их изготовления пригодны пустотелые стебли многих растений. Это были инструменты одноразового употребления. Ими не дорожили и сразу после игры выбрасывали. Несколько дольше служили дудки из татарника колючего, которые назывались калюками. Однако и их срок службы не превышал сезона. Примечательно, что травяные дудки – исключитель-

◀◀ Дудочки

◀ Двойная жалейка.
Е. Сапрыкин.
Село Афанасьевка
Алексеевского района.
Фотография 1969 года

но мужской инструмент, на котором играли поодиночке мальчики, подростки, мужчины, старики. Традиция игры на калюке жива до сих пор.

В Белгородско-Воронежском регионе распространена жалейка (пищик), одинарная или двойная. Этот инструмент состоит из трёх отдельно изготавливаемых частей: дудочки, рога и пластинки-язычка. Чтобы пищики были более звучными, их делали из сухого камыша или тростника, «продутого ветром», выбирая подходящие стебли на крышах строений.

Балалайка («балабайка») относится к более поздним музыкальным инструментам. Своим становлением южнорусская балалаечная культура обязана церковным гонениям на музыку скоморохов. Согласно указу царя Алексея Михайловича «Об исправлении нравов и уничтожении суеверий» (1648) даже за игру на балалайке людей ссылали, в том числе на охрану южных окраин Российского государства. Обживая новые земли, «служилые люди» Белгородской засечной черты несли с собой свои песни, наигрыши, музыкальные инструменты.

◀ Нижнепенские дудари:
И. Бабынин,
И. Польской, И. Сафонов.
Ракитянский район

В качестве аккомпанирующих инструментов в селах Белгородско-Воронежского региона народные исполнители использовали дудки-свистушки, предметы быта: ложки, гребни и косы.

Оригинальные женские плясовые наигрыши «на губах» зафиксированы в сёлах Крутое Красненского района, Подсереднее Алексеевского района, Нижняя и Верхняя Покровка Красногвардейского района, Роговатое Старооскольского района.

В Белгородско-Курском регионе народные инструменты (дудки, рожки, «двухголоски», кутиклы) более всего распространены в сёлах Ракитянского, Ивнянского и Прохоровского районов.

Особое место в инструментальной музыке фольклорной традиции региона по праву занимают кутиклы. Это разновидность многоствольной флейты, известной в фольклористике под названием «флейта Пана». Изготавливаются трубки из камыша, тростника, бузины, середина ствола которой легко удаляется. Обычно кутиклы включают две-три дудочки, не более пяти. На кутиклах

играют только женщины, чаще всего ансамблем, три-четыре человека. Игра на этом инструменте трудна и предполагает особую выучку. На пятиствольных кутиклах обычно играет главная партия, расцвеченная «фифканьем», а двух- и трехствольные ей аккомпанируют (по-местному, «придувают», то есть сопровождают). На кутиклах обычно исполняют наигрыши для плясок («Тимоня», «Акулинка», «Смирёнушка», «Барыня» и многие другие).

В Белгородско-Оскольском регионе также сохранились уникальные традиции фольклорной инструментальной музыки, исполняемой на пастушьем рожке, балалайке, мандолине, скрипке, гармонике.

Ещё в послевоенное время в селе Колосково Валуйского района пастухи и наиболее способные подростки делали травяные дудки. Играли на них только мужчины и только после захода солнца, особенно в ночном, то есть во время ночной пастбы лошадей.

А вот искусство балалаечной игры в сёлах Фощеватово, Шиншиновка, Тишанка, Погромец, Волчья Александровка Волоконовского района до сих пор живо, ярко и самобытно. В сокровищницу музыкальной культуры края вошли наигрыши в исполнении фощеватовских виртуозов: «Барыня», «Семёновна», «Подружка», «Побреду», «Саратов», «Камаринская», лирический наигрыш «Дуся» местного распространения.

В Фощеватово зафиксирована ансамблевая манера игры на балалайках – вдвоём, иногда и втроём: один «ведёт» мелодию, другой воспроизводит аккорды сопровождения. Как и в исполнении женщинами двуххорных песен, музыканты перед началом игры специально договариваются, кто будет «перветь», а кто «втореть».

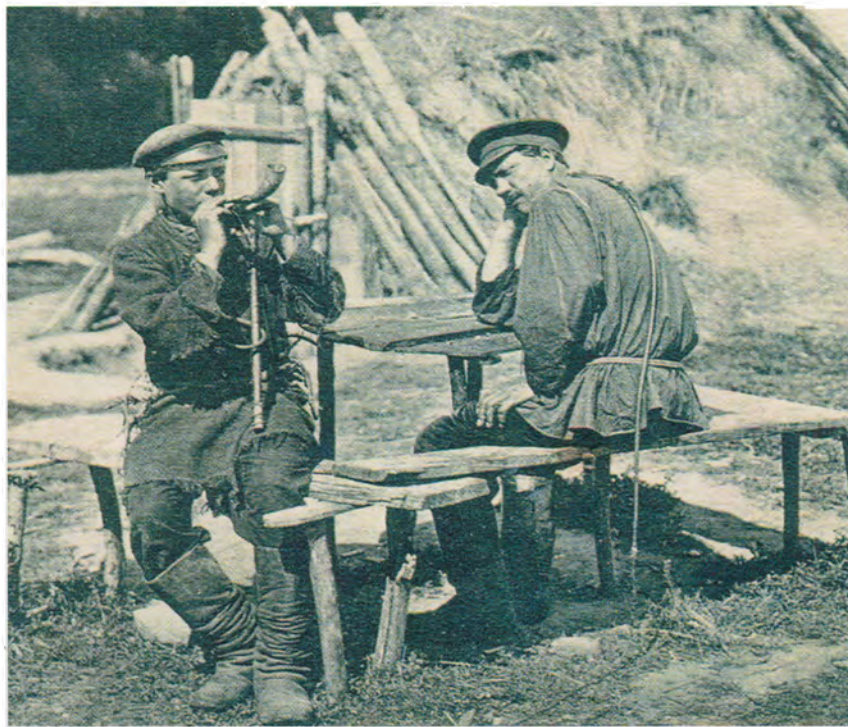
Жива традиция сольной и ансамблевой игры на балалайке в сёлах Тимоново, Шеласево, Рождествено, Насоново Валуйского района. По-своему играют народные музыканты «Подружку», «Страдания», «Матаню»,

▲ Кутиклы и свирель

▼ Хоровод
в Курской губернии.
Художник К. Трутовский.
1860

«Барыню», «Сербиянку». Самобытно и звучание инструментальных ансамблей, в составе которых – балалайка, мандолина, гармошка, коса. Аналогичные наигрыши есть в репертуаре народных музыкантов сёл Тростенец,

Солонец-Поляна, Богородское, Ярское, Ма-
кешкино Новооскольского района. Тем не
менее каждый наигрыш у них сугубо инди-
видуален, со своим «перябором».

Основную часть репертуара балалаечни-
ков Белгородско-Оскольского региона состав-
ляют плясовые, танцевальные и частушечные
наигрыши. Однако при исполнении одних
и тех же произведений приёмы игры
каждого музыканта разные: игра
разложенными аккордами, мер-
ное бряцание, выигрывание мел-
одических украшений, тремо-
ло (дрожащее звучание) на
одной ноте. Отсюда стано-
вятся понятны местные оп-
ределения виртуозной игры:
«выписывает коленица», «выде-
лывает кренделя», «вензеля вы-
водит», «кучеряво ладит». И в
этой многовариантности – сила
музыкального фольклора Белго-
родчины, его творческая долго-
вечность.

◀▲ Жестокый романс.
Фотография В. Каррика
из серии «Титы Российской
империи». 1860-е

▲ Пастухи. Фотография
В. Каррика из серии «Титы
Российской империи».
1880-е

◀ Частушки.
Художник Г. Кудрявцев.
2005

◀ Балалаечник.
Фарфоровая статуэтка.
1860-е

ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ

Строительство дома было важнейшим событием в жизни крестьянской семьи. Дом представлялся средоточием основных жизненных ценностей, воплощал идею единства семьи и рода, связи предков и потомков.

Местные особенности традиционного жилища на Белгородчине складывались в процессе сложной этнической истории русско-украинского пограничья. С самого начала освоения края, с XVI–XVII веков, здесь преобладало срубное жилище. Оно уходит корнями в XI–XIII века, когда в славянских поселениях основным было жильё в форме прямоугольной полуземлянки.

Основой древнего русского жилища была клеть – простейшее четырехугольное строе-

ние из брёвен, дошедшее в своей первобытной красоте и до наших дней. Клеть зимняя, приспособленная для тепла, отапливаемая печью, в отличие от холодной клетки именовалась «истбой», «истопкой» (от глагола «топить»). Очевидно, отсюда возникло и слово «изба».

Изба – это крестьянское жилище с русской печью, расположенное в сельской местности. Кроме того, на Белгородчине, как и везде в южнорусских губерниях, изба именовалась также хатой. Такое же жилище, но построенное в городской черте, носило название «дом».

Крестьянские избы ставились в один или в два ряда – улицей.

▲ Деревенская улица.
Художник С. Васильковский.
1890-е

НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛГОРОДЧИНЫ СУЩЕСТВОВАЛИ РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ, ИЗВЕСТНЫЕ В РОССИИ С ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ.

Деревня – в узком, исторически сложившемся в русском языке значении – сравнительно небольшое крестьянское поселение без церкви.

Село – крупное крестьянское селение с церковью или с помещичьей усадьбой.

Починок (заимка, займище, выселок) – маленькое поселение в один или в несколько дворов, недавно основанное.

Хутор – обособленный сельскохозяйственный участок с усадьбой владельца либо, в другом значении, небольшой крестьянский посёлок.

▲ Хутор в Малороссии.
Художник К. Крыжицкий. 1884

◀ Хутор.
Художник С. Светославский. 1910–1920-е

Постройка дома

Строя жилище, хозяин должен был не только поставить крышу над головой для себя и своей семьи. Надо было создать такое жилое пространство, чтобы в нём поселились жизненные блага, тепло, покой, любовь и счастье. Возведение избы обставлялось многочисленными обрядами и оберегами. Место для жилища выбиралось тщательно. Оно должно было быть сухим, высоким, светлым, удобным, рядом с водой. Ещё и «счастливым», то есть уже обжитым, где благополучно жили люди. Начало стройки отмечалось обрядом жертвоприношения: под брёвна первого венца клали петуха (курицу) или барана, часто череп коня. Смысл многих древних поверий давно утрачен. Однако и сегодня при строительстве дома нередко предпринимаются охранительные меры: под все углы кладутся монеты, а в святой угол – ладан. Новостройка освящается, хозяева ставят в святой угол икону. Ночевать первую ночь в новом доме оставляют кошку, петуха или курицу.

Строительным материалом с древности вплоть до второй половины XIX века служила древесина, поскольку в прошлом на Белгородчине в изобилии произрастали хорошие лиственные и хвойные леса. Избы возводили из сосны, липы, но преимущественно из дуба.

Более древние и примитивные избы могли состоять из одного помещения, выход из которого вёл сразу на улицу. К XIX веку повсеместно получили распространение так называемые двух- и трёхкамерные избы: имеется в виду, что в них два или три помещения. Основной частью было отапливаемое помещение прямоугольной или квадратной формы небольших размеров: 5х5; 5х6; 6х7 м. К нему примыкали холодные *сени*, или *сенцы*. В трёхкамерном жилище сенцы соединяли тёплую часть избы и второе жилое помещение – *клеть*. Клеть не отапливалась и использовалась преимущественно как кладовая для хранения одежды, продуктов и для других хозяйственных нужд, а также как летняя спальня для молодых брачных пар.

► Пейзаж с избышкой.
Художник А. Саврасов.
1866

С конца XIX века в нашей местности получили распространение избы-пятистенки. *Пятистенок* – это деревянный рубленый дом, разделённый посередине поперечной капитальной стеной. Благодаря пятой стене внутри было два изолированных помещения, в которые входили из общих сеней. В одном помещении ставили русскую печь, другое, без печи, оставалось чистым и называлось горницей.

Главным инструментом плотника до недавних времён оставался топор. Топором мастер и ствол обтешет, и доску «выгладит». При ударе топор уплотняет и сплющивает древесину, и в неё труднее проникает влага. А пила, появившаяся, кстати, значительно позже, «разломачивает» древесные волокна и делает их уязвимыми для гнили. Для тепла стены конопатили паклей или мхом.

Как и повсюду в южнорусских губерниях, на Белгородчине крыша крестьянской избы возводилась четырёхскатной. Со скатов стекла вниз дождевая вода, а зимой сползал снег, не повреждая кровлю.

Кровельным материалом издревле служил тёс (длинные, вытесанные из бревна доски) или дранка (сосновые дощечки). В XVIII веке чаще стали использовать солому и камыш. Впоследствии соломенные крыши на селе стали основными.

Преобладающими в регионе вплоть до начала XX века были *позёмные хаты*, называемые так, поскольку они ставились прямо на грунт, без фундамента. Поэтому полы в них были земляные. Они получили широкое распространение в южнорусских губерниях с мягким, тёплым климатом. Песок плотно утрамбовывали, смазывали толстым слоем глины, смешанной с мелко нарезанной соломой и коровьим навозом. Перед праздниками земляной пол обязательно смазывали свежей глиной и посыпали жёлтым песком. Деревянные полы в белгородской деревне ещё и в первые десятилетия XX века были редкостью.

▲ Плотники.
По рисунку О. Монферрана.
1830–1840-е

Пол, по народным представлениям, – это граница между миром земным и потусторонним. Под полом живёт домовый, добрый домашний дух, который по ночам приходит в избу погреться. В подполье может появиться вернувшийся с того света мертвец.

▲ Кровля хаты из камыша

▲ Домовой с черной курицей.
Художник Ю. Дубинин.
1996

▲ Бабушкина кухня.
Художник А. Тюрин.
Вторая половина XX века

► Русская печь.
Этнографический
комплекс «Крестьянская
усадьба» в музее
М. С. Щепкина.
Село Алексеевка
Яковлевского района

На территории современной Белгородчины преобладали так называемые «чёрные», или *курные избы*, отапливаемые печью по-чёрному, то есть без трубы. Дым при топке выходил в открытую дверь и окна, поднимался к крыше и зависал там. От этого стены вверху покрывались чёрной копотью. Крестьянки перед праздниками чистили и мыли стены, откуда и пошло выражение: «Мыты избы, мыты хаты». Только с появлением в XVIII веке потолка дымовое отверстие стали делать вверху. После протапливания печи входную дверь закрывали, отверстие в потолке затыкали тряпкой.

Во второй половине XIX века широкое распространение в крае получил новый тип русской печи. Дым из неё вытягивался через деревянный, обмазанный глиной кожух, «кубарь», протянутый от печи до стены в сени. К нему в сенях присоединяли такой же кожух, который выводили на крышу.

«Белые» избы, отапливаемые печью с трубой, по-белому, появились на нашей территории в тот же период. В качестве печных труб стали использоваться глиняные изделия местных гончаров.

В народных представлениях и поверьях *печь* занимала важное место. Если в постройке не было печи, она не считалась жилым помещением. В сознании людей печь связывалась с родным домом, семьёй, предками, с образом женщины, матери. Печь обогревала жилище, в ней готовили пищу, на ней

«Окно хаты.
Этнографический
комплекс «Крестьянская
усадьба» в музее
М. С. Щепкина.
Село Алексеевка
Яковлевского района

спали, к ней приносили младенца после крещения, к ней обращались в заговорах, когда лечили больных... «Печь нам мать родная», – говорили люди.

Печь топили дровами берёзовыми (они считались лучшими по качеству), ольховыми, осиновыми, кленовыми, черёмуховыми. Сосну брали редко: она использовалась главным образом как строительный материал. В степных селениях, где рядом не было леса, в топку шла солома, камыш, стебли подсолнечника и даже лузга. Но тепла от такого топлива было немного, и помещение быстро выстуживалось. Кроме того, топить соломой было убыточно для хозяйства, ведь её требовалось очень много и на корм, и на подстилку для скота.

Два или три окна одинакового размера располагались на фасаде избы, и одно – на боковой стороне. (Благодаря этому один угол в избе оказывался наиболее светлым и удобным, неслучайно он назывался красным.) Так называемые волоковые окна появились в славянском наземном срубном

жилище уже в IX–X веках. Они задвигались по пазам в брёвнах сруба доской-волоком. Такие окна сохранялись вплоть до середины XIX века.

В более богатых избах уже с XVIII века появляются окна косячатые – с остеклённой рамой, разделённой на 5–6 частей, с косяками и оконницами. Окно «стеклилось» кусочками слюды, бычьего или рыбьего пузыря, а с конца XIX века – стеклом, что считалось особой ценностью.

Открывать окна в избе было невозможно. Помещение проветривали через входную дверь или печную трубу. На холодное время вторых, зимних рам не предусматривалось. Зимой окна снаружи закрывали снопами из соломы, стеблей подсолнечника или кукурузы.

По народным представлениям, окно символизировало границу между внутренним миром жилища и внешним враждебным миром. Даже в наши дни окна кропят святой водой, рисуют мелом кресты на их верхней части, особенно на Святки.

► Красный угол.
Этнографический
комплекс «Крестьянская
усадьба» в музее
М. С. Щепкина.
Село Алексеевка
Яковлевского района

Внутренняя обстановка

В крестьянском быту Белгородчины установились общерусские строгие традиции рационального использования небольшого внутреннего пространства избы. Каждый угол, каждое место имели своё определённое назначение. Повсюду примерно пятую, а то и четвертую часть помещения занимала русская печь. Печи были глинобитные. Лишь с конца XIX века их стали чаще делать из обожжённого кирпича. Печь всегда ставили справа или слева от входа, устьем к передней фасадной стене или к боковой. От положения печи и направления её устья зависело расположение других частей дома.

По непреложному правилу, по диагонали от печи, в южной или юго-восточной части помещения находился *красный*, или *святой*, *угол*. Именно здесь размещалась божница с иконами и лампадкой. Здесь же стоял обеденный стол – предмет особого почитания. В народном сознании он уподоблялся цер-

► За столом.
Фотография А. Карелина.
1870–1880-е

ковному алтарю. Стол называли «Божьей ладонью», протянутой людям и дающей хлеб насущный. Поэтому в красном углу и за столом подобало вести себя, как в церкви.

Всякий гость, ступивший на порог, первым делом снимал шапку, и, перекрестившись, кланялся образам, а лишь потом здоровался с хозяевами. И только после их приглашения он мог пройти к столу.

Обстановка в избе была очень простой и безыскусной. Стол, лавки, скамейки, «укладки» (сундуки), небольшие шкафчики крестьяне мастерили сами. Покупная мебель была большой редкостью.

Характерной особенностью русских изб в далёком прошлом были деревянные *полати*, устраиваемые вдоль стен на высоте человеческого роста. В украинских хатах нашего края, как правило, полатей не было.

Ниже полатей располагались широкие лавки, которые наглухо прикреплялись к стенам. То есть лавки были неподвижными, в отличие от скамей, которые можно было при необходимости передвинуть. Лавка играла особую роль в русской обрядности. К примеру, отправляясь в дальнюю дорогу, обязательно нужно было молча посидеть несколько минут на лавке около двери – на счастье и удачу. И сегодня мы считаем нужным посидеть перед дорогой, перед началом какого-то важного дела.

◀ Стол деревянный.
XIX век

◀ Скамейка

Каждая лавка имела своё название. Длинная лавка, расположенная вдоль всей фасадной стены, называлась *бабьей* (долгой или передней) и считалась самой почётной. Именно на неё усаживали дорогого гостя, желанных сватов, на ней жених выкупал невесту. Это место хорошо освещалось тремя окнами, поэтому именно тут женщины и девушки работали: пряли, шили, вышивали. Кроме того, на бабьей лавке спали, приставив к ней скамью.

Лавка мужская располагалась вдоль стены, где была дверь в сени. Это был, по сути, длинный ящик, открываемый сбоку, для хранения инструментов. Здесь мужчины работали: плели лапти, корзины, сети, чинили сбрую. Место между фасадной стеной и печью занимал широкий деревянный настил для сна – *пол, примост*. Под примостом

▼ Слепой хозяин.
Художник В. Максимов.
1884

▲ *Возвращение из города.*
Художник А. Корзухин.
1870

зимой держали новорожденных телят, ягнят, козлят. А под лавками в лукошках – домашних птиц, высидивающих яйца: гусей, уток, индюшек, кур. Лишь на рубеже XIX–XX веков появились деревянные кровати кустарной работы. Дети и старики пользовались привилегией спать на печи. В край лежанки нередко вмазывали толстый деревянный брус – «задаргу», за которую хватались рукой, когда взбирались на печку.

Пищу готовили в задней части избы около устья печи. Всё пространство возле печи в народе называлось «бабым кутом». Вёдра, вынутый из печи горшок, испечённый хлеб

ставили на широкую «кутную» лавку около печи. Рядом на полу обычно стояла лоханка.

«Судная» (посудная) лавка, или полка, шла выше других лавок от печи к передней стене дома. На ней стряпухи хранили разную посуду. В нашем крае эту лавку обычно закрывали ситцевой занавеской.

Возле печи располагалась вся кухонная утварь: «рогачи» (ухваты) для горшков и чугунков, «чапли» для сковородок, деревянная хлебная лопата, помело для чистки печи, коромысло для вёдер. Тут же на пристенных полках находилась вся повседневная посуда, в основном глиняная и деревянная.

▲ Внутренний вид избы.
Художник В. Максимов. 1869

► Деревенская божница.
Художник В. Суриков. 1880-е

► Кухня. Художник В. Малышев.
Вторая половина XIX века

Праздничная посуда хранилась в шкафчике-поставце.

Перед праздниками изба преображалась: в красном углу вешали нарядные тканые и вышитые полотенца. Нередко рушниками украшали всю переднюю стену. Стол застилали узорной скатертью. На стене у кровати вешали домотканый шерстяной ковёр. Вышитыми предметами нарядно убрали саму кровать. Полы устилали яркими половиками.

Вплоть до конца XIX века основным источником света в избе была лучина – тонкая длинная щепка, подготовленная особым способом. Кое-где в деревнях пользовались самодельными «коптушками» – маленькими плошками или пузырьками с налитым туда маслом и опущенным фитилём. С середины 1860-х годов у зажиточных хозяев стали появляться керосиновые лампы. Широко распространились они лишь в начале XX века.

▲ Этнографическая деревня
Кострома, региональный
парк «На клочках реки Псел»

Изменение традиционного жилища

Увеличение плотности населения во второй половине XIX века, вырубка и расчистка лесов под сельскохозяйственные и другие угодья привели к резкому сокращению дубовых лесов в крае. Дуб, как основной строительный материал, подорожал. Поэтому крестьяне были вынуждены строить избы из недостаточно качественных пород деревьев, а беднейшие семьи – даже из плетня. Чтобы укрепить и утеплить тонкие стены, русские стали обмазывать их изнутри и снаружи толстым слоем глины, смешанной с соломой и навозом, и белить. Эта традиция бытовала во всех южнорусских губерниях. У украинского народа она была известна уже в XI–XIII веках. На рубеже XIX–XX веков хаты в русских и украинских селениях края уже почти ничем не отличались.

Появились избы, возводимые по новым технологиям и из другого материала: избы-столбнянки, которые могли быть глинобитными и саманными, то есть сложенными из самодельного кирпича из глины с примесью навоза, соломы, иногда конопляных волокон или конского волоса. Сравнительно поздно в сельском строительстве стал использоваться

▲ Село Калтуновки
Алексеевского района.
Фотография 1942 года

обожжённый кирпич. Это могли себе позволить только зажиточные крестьяне. Для сбережения тепла кирпичи выкладывали в несколько рядов. Толщина стен достигала 70–80 см, иногда и больше.

В XX веке, в связи с коренными переменами в жизни селян и под влиянием городской культуры, строительство жилища на селе по-

лучило дальнейшее развитие. Массовое возведение домов на фундаменте особенно интенсивно происходило в 1960–1970-е годы. Разнообразие планировки новых домов явилось творчеством самих застройщиков. В нём находят отражение старые и новые традиции, как общерусские, так и каждого определённого района и селения Белгородской области.

► Крестьянское семейство перед обедом.
Художник Ф. Солнцев.
1824

▼ За хлеб, за соль,
За щи с квасом,
За лапшу, за кашу,
Да за сказку Вашу
благодарю.
Художница Е. Бём.
Открытка. Начало XX века

НАРОДНАЯ КУХНЯ

Особенности народной кухни Белгородского региона определяются прежде всего природно-географическими условиями. Основные продукты питания давали традиционные для Черноземья земледелие, скотоводство, огородничество и садоводство. Большое влияние оказали и кулинарные традиции соседних народов, в первую очередь – украинские. В комплексе основных блюд преломляются старинный быт, языческие и христианские верования, древнейшая символика.

В старину за обеденным столом собиралась вся семья, от мала до велика. У каждого было своё постоянное место. Самое почётное – у хозяина, в красном углу под иконами. Помолвившись, он разрезал хлеб и наделял домочадцев. Трапеза протекала долго и чинно. Разговаривать и смеяться, попусту выходить из-за стола не полагалось. Обычно семья ела из одной миски (мисы) самодельными деревянными ложками. Питались сытно, но к изыскам не стремились. Готовили сразу помногу, и часто на ужин могли разогревать то блюдо, которое осталось от обеда.

После трапезы хозяйка должна была обязательно убрать всю посуду, вытереть столешницу, стряхнуть настольник. Оставлять на ночь неприбранный стол считалось грехом.

Повседневный и постный стол

С давних пор на Белгородчине выращивали рожь, овёс и пшеницу, а также ячмень, просо, гречиху. *Зерновые культуры* были основой крестьянского стола. «Каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной», – гласит пословица. Хлеб выпекали главным образом чёрный ржаной, из кислого дрожжевого теста или закваски. Ржаными были чаще всего и всевозможные пироги, любимые на Руси всегда и повсеместно. Пшеничная же мука шла в основном на праздничную выпечку. Кашу варили из зёрен ржи, овса, гречихи и проса. К древнейшим кушаньям можно отнести кисели: овсяные, ржаные, пшеничные. Эти блюда отличались от привычных нам: до того, как в обиход вошёл картофельный крахмал, их готовили на заквашенных крупяных отварах. Лапша из пресного теста появились гораздо позже.

▲ *Заготовка капусты на зиму. Фотография конца XIX века*

Обыденными для белгородских крестьян были *овощи*: капуста, редька, свёкла (как красная, так и белая, сахарная), тыква, огурцы. Их ели сырыми и пареными, варёными и печёными, солёными и квашеными. Важное место занимали бобовые, особенно горох. Репа вплоть до XIX века играла ту же огромную роль, что в наше время картофель, который получил широкое распространение

♦ *Обед работников. Художник С. Виноградов. 1890*

▲ Стригуновский лук

► ▲ Солнечная сушка вишни
в Корочанском уезде.
Фотография конца XIX века

▼ На пасеке.

Художник А. Маковский.
1916

на Руси лишь с середины XIX века, заслужив название «второго хлеба». Тогда же появились на столе крестьян кукуруза и томаты. Огородничество издревле процветало на Черноземье. Так, до сих пор пользуется известностью старинный сорт стригуновского лука, выведенный в Борисовском уезде.

Жидкие горячие блюда появились тоже в незапамятной древности. Сначала это были различные похлёбки, уха и щи, позже – борщи, рассольники, солянки. А жарким летом хозяйки готовили холодные супы: окрошки и ботвиньи.

Самым ценным лакомством почитался мёд. Белгородский край славился пчеловодством: уже с весны в степях буйно зацветало разнотравье. В некогда обширных лесах было много медоносных деревьев, особенно лип, а сёла и города утопали в садах, яблоневых и вишневых.

А в XIX веке в крае получило распространение *свеклосахарное производство*. Новотаволжанский завод в Шебекинской волости Белгородского уезда, принадлежавший промышленникам Боткиным, изготавливал рафинад, сахарный песок и сиропы. Причём предприятие было известно как одно из самых передовых не только в тогдашней Курской губернии, но даже за рубежом.

Вместо конфет деревенская ребятня лакомялась самодельными сладостями: ломтики сахарной свёклы парили в печи, а затем подвяливали, и получалось что-то вроде цукатов.

Среди свежих *фруктов* на первом месте стояли яблоки, затем вишни, малина, груши и сливы, арбузы и дыни. Из ягод готовили варенье и домашнюю пастилу. На зиму их сушили и мочили, запасали в меду. Излюбленным лакомством, особенно детей и молодёжи, были лесные орехи.

Из *напитков* летом готовили всевозможные квасы, зимой – отвары душистых трав, горячие пряные сбитни. Как и везде на Руси, пили слабоалкогольное пиво, сброженные

ягодные соки и мёды. В промышленном масштабе пиво различных сортов у нас производили несколько заводов, из которых наиболее известен белгородский пиво-медоваренный завод Эсслингера.

В конце XIX века прочно вошёл в обиход новый обычай – чаепитие со всевозможной выпечкой: пряниками, бубликами, калачами, ватрушками. Сначала чай был принадлежностью дворянского и вообще городского быта, а потом завоевал поистине всенародную любовь.

Важная черта народных традиций питания – пищевые запреты, посты. С принятием христианства они закрепились церковными предписаниями. Всего в году насчитывалось около 200 постных дней. В пост запрещалось употребление любых мясных, молочных и яичных продуктов и сахара, в строгий пост – также и рыбы. Возбранилось и употребление крепких спиртных напитков. Для постных блюд использовалось только растительное масло: конопляное, льняное, реже маковое и ореховое. Именно на Белгородчине было впервые осуществлено производство подсолнечного масла.

Ежедневным блюдом во время Великого поста была каша из муки («кулага», «завариха», «затирка», «саламать»). Её готовили так: муку, ржаную или овсяную, заваривали горячей водой, добавляли калину, тёрн и сладкий бурлак (свёклу), затем запекали в печи.

◀ Этикетка пивного завода Эсслингера

◀ Крестьянин, пьющий из ковши. Фарфоровая статуэтка

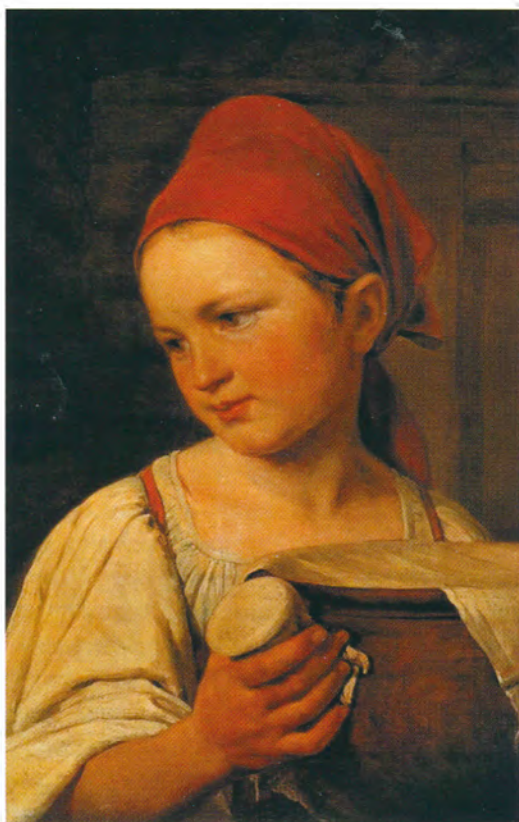
◀ Новые хозяева. Художник Н. Богданов-Бельский. 1913

▼ Не всё коту масленица. Придет и Великий пост! Художница Е. Бём. Открытка. Начало XX века

► Крестьянка с молоком.
Художник А. Венецианов.
1820-е

►► Маслобойки

Праздничный стол

Из всех непостных, или скоромных, продуктов на первом месте по значимости стояло *молоко и молочные продукты*. Сливочное масло из коровьего молока, сливок или сметаны сбивали в самодельных деревянных маслобойках. Творог получали, нагревая молоко в печи. Сыр, как и повсеместно в русской деревне, получил распространение довольно поздно, во второй половине XIX века.

▼ Крестьянка, сбивающая масло. Фарфоровая статуэтка. 1880

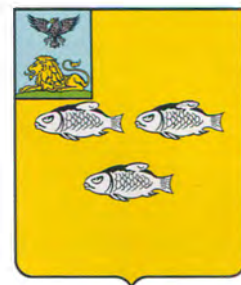
Мясо – говядина, баранина, свинина, курятина и гусятина – появлялось на столе не каждый день даже в зажиточных семьях. Скотину и птицу забивали обычно к праздникам: к Рождеству, Пасхе, к началу сенокоса или к зажинкам. Мясо употребляли большей частью в отварном виде, варили студень, готовили домашнюю колбасу.

В приречных районах важной статьёй пищевого довольствия была **рыба**. Не случайно на гербе Нового Оскола красуется редкая (сейчас, увы, исчезнувшая) рыба вырезуб.

В старину выставленные на стол кушанья рассматривались не просто как еда, но и как символ благополучия хозяев. Многие из обрядовых блюд несли особый смысл. Например, на годовые праздники, а также на свадьбу пекли каравай, символизирующий солнце, благодаря которому происходит расцвет природы, созревание урожая, рождение новой жизни. Такими же свойствами наделялся пасхальный кулич. Яйца воспринимались как символ жизни, яичница считалась важным ритуальным блюдом.

На Рождество главным лакомством в сёлах Белгородчины была кутья, сладкая каша из неразмолотого зерна – знак вечного возрождения жизни. Она должна была способствовать хорошему урожаю и приплоду скота, а также служила символом связи с предками. Поэтому в белгородских сёлах кутью до сих пор готовят на поминки и на свадьбу. Другая примета рождественского стола – взвар из сухофруктов: яблок, груш, вишни, сливы.

▲ Герб Нового Оскола

◀ Рыболов.

Художник В. Перов.
1871

▲ Кутья

◀ Каравай испекли.
Фотография
начала XX века

ТЕСТО ДЛЯ ОБРЯДОВОГО ПЕЧЕНЬЯ «ЖАВОРОНКИ»

- 2 стакана ржаной муки
(можно добавить пшеничную)
- около 1 стакана воды
- 2 ст. л. растительного масла
- 1 щепотка соли
- 1–2 ст. л. мёда
- изюм или сушёные ягоды смородины,
черёмухи для «глазок»

Муку просеять, посолить, в середине сделать углубление и влить туда масло, мёд и немного воды. Замесить пластичное тесто, постепенно подливая воду. Оставить под полотенцем на 10–15 минут. Раскатать тесто, нарезать полосками длиной 15 см и шириной 2 см. Каждую полоску завязать узлом так, чтобы получилась фигурка птицы. На «крыльях» и «хвосте» провести ножом линии. Сделать из изюминок «глаза». Выпекать на среднем жару.

На Масленицу, в преддверии Великого поста, полагался изобильный стол, но уже без мяса. Примета праздника – тонкие блинцы и толстые блины, символизирующие солнце. В белгородских сёлах их нередко готовили с припёками (рыбой, луком, грибами). Также пекли четырёхугольные коржи «тужики» из пресного теста. «Тужики пякуть – жарюють па Маслиниці», – поясняли хозяйки.

В некоторых сёлах Красненского, Красногвардейского и Старооскольского районов на Прощёное воскресенье пекли «прощённик» («прощеник») – ячменный хлеб, с которым ходили «прощаться» к родственникам и знакомым.

▲ Печенье «кресты»

Встречая весну на Сорок Мучеников (день весеннего равноденствия), из постного теста выпекали фигурное печенье – «жаворонки» («галки», «кулики», «сороки», «птюшки»).

На Благовещение пекли «просвиры» и «проскурки» из крутого теста на святой воде, «чтобы долго не портились».

На Средокрестие (середина поста) готовили обрядовую выпечку из пресного теста – «кресты» – с изюминами или сушёными ягодами, обозначавшими гвозди. Его использовали для гадания: печенье с монеткой – к прибыли, с зерном – к урожаю. «Кресты» сохраняли до начала сева, чтобы перед пахотой закопать в землю, а крошки бросить

РОГОВАТОВСКАЯ «КАТАНКА»

В селе Роговатом Старооскольского района на праздник готовили редкое блюдо – «катанку». Для этого брали особое плоское и широкое корыто (у местных хозяек до сих пор хранятся корыта, доставшиеся от матерей и бабушек). В нём вручную катали пшено в смеси молока и взбитых яиц. Полученные шарики величиной с горошину распаривали в печи, подавали к столу в горячем виде с маслом. Общее время приготовления занимало до 8 часов.

« Процесс приготовления роговатовской «катанки»

в посевные зёрна. Для этого же праздника выпекали «похрестник», обрядовый каравай, верх которого украшали крестом из теста. В середину «похрестника» клали зерно. Когда ехали засеивать поле, хлеб разламывали и съедали, а зёрна бросали в землю. В селе Камызино Красненского района, перед тем как поставить «похрестник» в печь, на лопату сначала сыпали зерно всех сортов. Когда хлеб вынимали, смотрели: если какой-либо вид зерна подгорал, значит, в новом году на него урожая не будет.

В Вербное воскресенье в селе Черкасском Яковлевского района пекли булочки «китыки» размером с кулак в виде цветков вербы.

В середину изделия клали вербные почки. Испеченные «китыки» выносили в сад, «чтобы он цвёл хорошо».

Накануне Пасхи по традиции пекут куличи и красят яйца, традиционно в отваре луковой шелухи. В Белгородской области кулич так и называют – «пасхой». Праздничное разговение начиналось с освящённых куличей и яиц. Первое яйцо делилось поровну на всех домочадцев, в знак единства семьи, её крепости и прочности.

В день весеннего праздника «Моргоски» («Моргошки», «Лалынки») в сёлах Грайворонского района женщины пекли караваи и каравайцы (своего рода запеканка из густой

В преддверии Пасхи белгородские хозяйки готовили специальный кисель кроту, «чтобы не ходил в огород».

▲ Форма для выпечки куличей. Начало XX века

▼ Куличи и пасха. Открытка. Начало XX века

Наряду со старорусской кухней у белгородских селян были популярны и украинские блюда: вареники, борщ с пампушками, мамалыга – каша из кукурузной муки.

► Крестьянский обед в поле.
Художник К. Маковский.
1871

пшённой каши на молоке, которую ели в холодном виде). Вечером и молодёжь, и пожилые шли «на граня», то есть на околицу, где варили кашу, жарили яичницу, пели и плясали под гармошку.

В среду после «Моргошек» отмечали церковный праздник «Правая среда». К нему были приурочены обряды освящения полей, рек и колодцев. В этот день пекли из пресного теста лепёшки – «трубицы», в которые заворачивали творог либо пшённую кашу, сваренную на молоке и сдобренную мёдом, свежими ягодами или вареньем.

На праздник Вознесения Господня пекли обрядовое печенье – «лесенку». По традиции её ставили на окно, для того чтобы «по ней Иисусу Христу было легче подняться на небо». «Лесенку» сохраняли до посева следующего года. Когда ехали первый раз засеивать поле, её брали с собой и скармливали лошадям.

На Троицу готовили традиционные караваи, кое-где пекли блины. В селе Стрелецком Яковлевского района, в селе Никитском Борисовского района, в сёлах Присыпки и Богословка Губкинского района троицкий каравай пекли из пшена, яиц и сала. В селе Тростенец Новооскольского района из пшена и картошки варили кулеш (полужидкую кашу), сдабривая его яйцами и жареным салом. А в селе Безгинка в пшённую кашу, сваренную на костре, добавляли куриное мясо. Причём петуха желательнее было взять старого – «это принесёт богатство».

На Аграфену Купальницу, накануне Ивана Купалы, варили так называемую «обетную» пшённую кашу на молоке (Губкинский, Прохоровский районы). Селяне собирались возле реки. Из дома приносили блины, блинцы, оладьи и устраивали праздничный обед у костра.

В день святых Кузьмы и Дамиана «ломали кочетов», то есть резали петухов и кур. Главным угощением были блюда с куриным мясом: борщ, щи, тушёная картошка, холодец, мясные пирожки. Девушки вечером устраивали вечеринки – «кузьминки», пели, плясали, играли, веселились, выбирали себе женихов и угощались жареной курятиной.

♦ Дети, несущие в поле обед жницам.
Художник А. Кившенко.
1878

В Петров день хозяйки обязательно варили возле дома на огнище (костре) молочный кулеш, очень жидкий, как суп. Рядом расстилали скатерти – «настольники». Угощения были самыми разнообразными, но обязательно – нового урожая. Пекли пироги из муки нового помола, варили борщ со свежей капустой и курятиной, отваривали молодой картофель.

В первый день Успенского поста (14 августа), называемом в народе Медовым спасом, чаще Маковеем, повсеместно на Белгородчине пекли булочки, памлушки, пироги, лепёшки, блины, оладьи с мёдом и маком, которые разносили по дворам «помянуть родных». Было принято угощать мёдом нового сбора всех, у кого в хозяйстве пчёл не было. В этот праздник обязательно угощали и нищих.

В Михайлов день в Яковлевском районе готовили «лапшовник» (вариант уже упомянутой «катанки») – шарики из пшена и взбитых яиц, отваренные в молоке с маслом и сахаром.

Покров Пресвятой Богородицы отмечали праздничным столом из даров собранного урожая и заготовленных на зиму плодов. Традиционным угощением были каши, приготовленные из всех видов круп.

«Бабина каша» на крестинном обеде, пироги на именинах, кутья и блины на поминках и, конечно же, богатые свадебные пиры с непременно свадебным караваем и «шишками» (маленькими круглыми булочками), с жареной курицей, с особым порядком подачи блюд – все эти традиции народной кухни не теряют своей актуальности в современной жизни Белгородчины.

▼ Тарелка деревянная

▼ Курица Федорка да петух Егорка с праздничком поздравляют, счастья желают! Художница Е. Бём.
Открытка. Начало XX века

- В тени.
Художник Н. Пимоненко.
1900-е
- ▼ Сундук с приданым

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

Костюм Белгородского края в его лучших образцах – это подлинные произведения искусства, которые показывают высокое мастерство местных ткачих, вышивальщиц, кружевниц.

Удивительно, что вопреки всем перипетиям бурного XX века до наших дней в сундуках у простых русских бабушек ещё сохранились прекрасные образцы старинной русской «сряды». Некоторым из этих вещей уже более 200 лет!

В давние времена одежда была важной составляющей жизни крестьянина и особенно крестьянки. Каждое событие жизни русской женщины: переход из детства в девичество, замужество, рождение первенца, иногда даже брак младшей сестры, потеря одного или обоих родителей, переход в старшую возрастную категорию – отражалось либо в костюме целиком, либо в его деталях.

Праздничная, и особенно свадебная, одежда передавалась от матери к дочери, от отца к сыну. Когда в семье рождалась дочь, отец делал для неё сундучок. Сначала туда складывали вещи, изготовленные матерью, бабушкой, а затем уже и созданные её руками. Приобщать к шитью и вышиванию девочку начинали сызмала. К той поре, когда девушка заневестится, её сундук должен был наполниться рукодельным приданым.

Старинные текстильные технологии

В конце XIX – первой трети XX века в южнорусском быту в основном использовали конопляные и льняные ткани домашнего производства. Коноплю у нас сеяли повсеместно, лён меньше (в частности в Ракитянском и Шебекинском районах), что объясняется жарким климатом региона.

Не сразу и не просто получался домотканый конопляный холст (замашный, как его у нас называли). Стебли сушили, вымачивали две недели в воде, снова сушили, мяти на мялке или толкли в ступе пестом, затем тёрли ногами, трепали, чесали на гребне...

Нитки или готовую ткань красили. Например, шалфей, спорыш, лепестки василька и ягоды ежевики дают синий цвет; листья бузины, стебли хвоща, листья щавеля, ягоды можжевельника, кора черёмухи и тополя – зелёный; ягоды бузины, молодые ветки и листья крушины до цветения, корень марены, душица, кора ветлы, кора тёрна – красный.

Старательная пряжа могла напрясть за день триста метров нити. Ткать начинали с Великого поста, и к Пасхе должны были все

▲ Пряжа.
Художник С. Виноградов.
1895

▲ Веретено
▼ Ткацкий станок
▲ Льняная кудель

выткать. Заправляя нити в ткацкий стан, ткачиха заранее продумывала, где разместить полосы орнаментов.

Домотканые полотна в русских сёлах изготавливались шириной от 36 до 42 см, в украинских – от 40 до 48 см. Длина полотнища могла достигать до 20–25 метров. Процесс ткачества был длительным и трудоёмким, работать приходилось буквально не разгибая спины. Например, чтобы в одиночку соткать холст длиной 25 метров, уходил месяц при условии, что женщина проводила за ткацким станком по 12–15 часов в день. И если за прялку девочку сажали с семи лет, то к ткацкому стану допускали значительно позже, лет с двенадцати-тринадцати.

▲ *Беление холста.*
Художница З. Серебрякова.
1916

► Коноплиный холст
в рулоне

▼ Скалка и рубель

Готовые холсты хранили в сундуках, скатанными в тугие рулоны. Ну а когда холсты готовы, можно было ткань кроить и одежду шить.

Как и везде в России, на Белгородчине крестьянская одежда была свободного, прямого покроя, не подчёркивающего особенностей фигуры. Кроили из прямоугольников разной величины, что позволяло шить почти без обрезков.

В основном ткани делали самого простого полотняного переплетения, иногда с вытканными полосками. В сёлах современных Ивнянского и Ракитянского районов ткали в многоремизной технике, создавая красивые разнообразные узоры «белым по белому».

С конца XIX века в нашем регионе для изготовления одежды стали использовать ткани фабричного производства: в основном ситец и сатин, реже – атлас, шёлк, тафту и кисею. Покупные ткани были дороги, поэтому крестьянки шили из них только видимые детали рубахи: «стан», то есть верхнюю часть, да рукава.

▼ Многоремизное
ткачество «сухарики»

▼▼ Многоремизное
ткачество «околушки»

▼ Многоремизное
ткачество «в пять
нитов» в сочетании
с крупной клеткой

Натканное полотно несколько раз отбеливали горячим щёлоком (раствором берёзовой или ольховой золы). Считалось также, что хорошо отбеливает ткани мороз в ясный день и роса. Холсты нередко оставляли растеленными на всю ночь, и это служило поводом для ночных бдений и развлечения молодёжи – парни и девушки вместе ходили «зёрить» холсты.

Наконец, ткань нужно было выгладить: влажный холст накручивали на скалку и с усилием неоднократно прокатывали по ней рубель. По свидетельству пожилых белгородок, никакой утюг не может так качественно разгладить, как рубель со скалкой!

▲ Понёвная ткань.
Красногвардейский район

◀▼ Пестрядь в клетку
▼ Пестрядь в полоску

Для декорирования одежды брали шёлк и бархат, парчу и кашемир. А также тесьму и бахрому, галуны и позументы, ленты и кружево ручной и фабричной работы.

Украшение тканей вышивкой в большей степени было развито в Бирюченском уезде Воронежской губернии и Новооскольском уезде Курской губернии (современные Алексеевский, Красногвардейский, Красненский, Новооскольский и Губкинский районы).

Интересно, что определённым видам одежды соответствовали устойчивые сочетания цветов. Так, в Бирюченском уезде понёву шили всегда чёрную или чёрную с синим отливом, а в вышивке на ней преобладал красно-оранжевый цвет. Рубахи и передники в этой местности либо белые с чёрным вышитым узором, либо, если они изготовлены из сатина, – всех оттенков красного цвета, от бордового до оранжевого.

Продавица полотна.
Художник Н. Пимоненко.
1901

► Рубаха мужская
(Трайворонский район)
и порты

▼ Пояс

▲ Крестьянин
в онучах и лантях

► Зипун

Мужская одежда

Мужской будничный костюм на Белгородчине, как и повсеместно в России, состоял из *рубахи* и *штанов (портов)*. Эти предметы одежды были однотипными во всех районах. Конструкция мужской и женской рубахи была практически одинаковой, но только в мужском варианте она шилась более короткой – до колен. Рубаху носили навывпуск и обязательно подпоясывали. Порты шили довольно узкими и недлинными, они доходили до щиколотки или до середины икры. Нижнюю часть штанов для удобства заправляли в сапоги, валенки либо закрывали *онучами* – холщовыми или суконными полосами, которыми обёртывали ногу, закрепляя сверху верёвочными оборами крест-накрест.

В холодную пору мужчины (да и женщины тоже) носили длинные *зипуны* из толстого сукна домашней выработки, обычно серо-коричневого цвета, реже – серо-чёрного.

На спинке могли сделать подрез, из-под которого с двух сторон закладывались всеерные складки. Мужские зипуны почти не украшали, лишь иногда обшивали край воротника полоской кожи или обтягивали кожей воротник.

В сёлах Ракитянского района (село Венгеровка, хутор Меловое) зимой, собираясь в дальнюю дорогу на санях, поверх зипуна надевали *халат* из синего сукна, напомина-

ющий просторное расклешённое пальто с лёгкой подкладкой. Украшали халаты минимально: машинной строчкой по низу рукава.

Шубы в старину шили из дублёной овчины мехом внутрь. Они были длиной ниже колена, по линии талии отрезными, со сборками. Застегивались на крючки или пуговицы из скрученной кожи. Часто по линии талии размещали полоску вышивки, украшали и край правой полы, рукава и подола. Шитьём особо красивых шуб красно-коричневого цвета славилась слобода Алексеевка (ныне село Алексеевка Корочанского района). Сюда приезжали за шубой часто издалека.

С верхней одеждой мужчины надевали шапки из валяной шерсти или из овчины.

Примечательно, что карманов у крестьян никогда не было – ни в одежде для дома, ни в верхней одежде. Карманы появились вместе с городской модой, большей частью после революции 1917 года.

Женская одежда

Наш край исключительно богат по типам традиционного женского костюма. Не случайно культуру Белгородчины сравнивают с лоскутным одеялом. Во многих сёлах, как уверяют старожилы, «на разных улицах носили разную одежду». Этнографы, изучающие народный костюм, условно делят Белгородскую область на три региона.

В Белгородско-Воронежском регионе (восточная часть области: Алексеевский, Красногвардейский, Красненский, Старооскольский, частично Корочанский) бытовал так называемый *понёвный комплекс*.

Что же такое понёва? Её называют «прабабушкой юбки». В понёвах славянки ходили ещё в X веке. В XVIII–XIX веках понёва стала принадлежностью костюма замужней женщины, её надевали только после свадьбы, о чём и говорит пословица: «Понёва наденется – воля переменится».

«Старый крестьянин». Художник И. Репин. 1885

«Ах мороз, морозец, молодец ты русский... Ходит в рукавицах и в овчинной шубке... Художница Е. Лебедева-Анохина. Открытка. Начало XX века»

► Понёвный комплект,
Красногвардейский район
► Женская рубаха
с черноузорной вышивкой
на оплечье
(Красногвардейский район)
и понёва «голо клетка»
(Старооскольский район)

Вышитый чёрный
геометрический
орнамент на оплечье
рубахи, похожий на
тканые узоры, включает
элементы «ромб»,
«арепей», «гребёнки»,
«столбушки»,
символизирующие
богатство, плодородие,
добро.

▼ Черноузорная вышивка
«с хворботами» на оплечье
рубахи

Белгородские понёвы очень живописны и красочны. В XIX веке их шили из четырёх полотнищ ткани: три – в крупную клетку, четвертое – чёрное. Праздничные понёвы обильно украшались яркой вышивкой шерстяными нитками – гарусом – в красно-оранжевых тонах. Наиболее ярко и богато украшались понёвы молодых женщин. По рисунку вышивки понёвам давали интересные названия: «в кружок», «голо клетка», «наборная», «с белью», «рябка», «четырёхглазка».

В комплект к понёве входила рубаха с прямыми «поликами» (плечевыми вставками) из домотканого хлопчатобумажного, конопляного или льняного полотна.

Непрерывной частью женского костюма, как праздничного, так и будничного, был пе-

редник. Его исконное назначение – оберегать женскую сущность от воздействия злых сил. В белгородских сёлах с понёвами носили короткие передники, повязываемые на талии, их здесь называли «завесками». «Завеска» обязательно должна была сочетаться с рубашкой по ткани и по вышивке.

Необходимым элементом костюма был пояс. С понёвой чаще всего повязывали неширокую «подпояску» из шерстяных нитей, с рисунком в виде продольных полос разного цвета и ширины на красном фоне. Концы праздничных поясов украшались золотной бахромой, шёлковой орнаментированной лентой. Узел в разных сёлах повязывали по-разному: на правом или левом боку, спереди посередине поверх завески или под завеской.

Завершает народный костюм обязательный для крестьянки головной убор, полностью скрывающий волосы от посторонних глаз. Без него замужняя женщина никогда не показывалась не только перед чужими, но даже и в своей семье. В старину считалось, что головной убор – такая же принадлежность человека, как рука или нога. Самыми красивыми были уборы молодых в первые несколько лет после свадьбы, до рождения первенца.

С понёвой по большим праздникам носили *сороку* – сложный составной головной убор. Он включал три элемента. Собственно *сорока* – маленькая седловидная шапочка жёсткой или полужёсткой формы. «*Позатылень*» закрывал волосы женщины с боков и сзади, он представлял собой трапециевидную конструкцию на твёрдой основе, украшенную золотным шитьём, блёстками, бисером. Наконец, третья часть – «*рогатая кичка*». В XIX веке помещики запрещали своим крепостным носить кичку с рогами, а священники могли даже не пустить женщину в сороке в церковь, усматривая (и совершенно верно) в её наряде следы языческих верований. Но вопреки всему эти удивительные уборы дошли до наших дней, как и поговорка, отражающая этот исторический эпизод: «Буду есть одну мякину, а рога свои не скину».

◀ «Подпояска». Красногвардейский район
 ▶ «Завеска» в понёвном комплексе

◀ «Сорока в сборе»
 ▶ Элементы сороки: сорока, «позатылень», «рогатая кичка»

▲ Понёвный комплекс.
Село Белый Колодезь

В селе Белый Колодезь Вейделевского района женский костюм представляет вариант понёвного комплекса, но явно стоит особняком. Здесь понёву шили из шерстяной домотканины в очень крупную клетку. Оклад понёвы (украшенный подол) и прошеву (среднюю часть) делали из красноузорного ситца или кумача с декором из тесьмы, кружева, позумента. Рубаха с очень длинным, зауженным книзу рукавом заканчивалась высокой манжетой, которую здесь называют «чохлатка». В декор рубахи обязательно включали полосы кумача, красного сатина, которые нашивали по плечьям, перемежая с ткаными красными полосками разной ширины. По тканым и нашитым полоскам часто размещали вышивку в технике «настил» красными и чёрными нитями.

В Белгородско-Курском регионе (западная часть области: Ракитянский, Ивнянский, Грайворонский, Прохоровский, Шебекинский, Яковлевский, Белгородский районы) основой традиционного костюма был сарафан, вопреки распространённому мнению, что сарафаны характерны больше для Русского Севера. В сарафанный комплекс входили также рубаха, «завеска», пояс и кокошник, двухгребенчатый или цилиндрический.

Сарафаны, бытовавшие в Ракитянском, Ивнянском, Грайворонском, Прохоровском, Шебекинском и Яковлевском районах, шили с косыми клиньями из чёрной шерстяной ткани домашней выработки. Главные отличия – в принципах украшения. Эти различия строго выдерживались, в зависимости от социального статуса владелицы, достатка её семьи, традиций села.

Сарафаны Ракитянского и Ивнянского районов украшены широкими позументами, полосками розового, зелёного шёлка, витым золотым шнуром. Полотнища спинки заплисированы множеством мелких густых складок, зато передняя часть сарафана гладкая, без украшений, поскольку она почти полностью закрывается высокой «завеской».

«Завески» здесь шили из малинового кашемира, из зелёной, лиловой, красной тафты с широкой оборкой по низу. Сарафан обязательно подпоясывался шерстяным домотканым поясом, причём узел с украшенными концами размещался сзади посередине.

Рубахи шили с маленькими отложными воротниками, бесполовые, с пышными рукавами, собранными у запястья в маленькую оборку.

В зажиточных семьях невестам готовился к венчанию *сарафан-шубка*, такой же по крою, что и обычный, но сшитый из алого штофа, яркий, нарядный. С ним надевали обязательно белую рубаху с широкими и пышными рукавами из тончайшей кисеи с красивым цветочным рисунком.

Праздничный головной убор здесь называли «золотоглав». Это южнорусский двухгребенчатый кокошник, составной головной убор на твёрдой основе, напоминающий сороку. «Золотоглав» богато украшали имитациями драгоценных камней, позументом или сплошь покрывали золотым шитьём.

В сёлах Яковлевского района (Стрелецком, Драгунском, Казацком) бытовали более короткие сарафаны без складок на спинке. Грудка украшалась серебристым или золо-

► «Золотоглав» в сборе

◀◀ Сарафанный комплект.
Грайворонский район

◀ Сарафанный комплект.
Ракитянский район

▼ Сарафан-шубка и рубаша
с кисейными рукавами

► Сарафан шебекинский

▲ Ворот –
декоративная деталь
в шебекинском сарафане

▼ Фольклорный
ансамбль села Кутино
Шебекинского района

▲ Чепец яковлевский

▼ Сарафан-
«широколямошник»

тым позументом, выложенным п-образно в один или два ряда. Носили такие сарафаны с рубахами-«манешками», обильно расшитыми красно-чёрными растительными орнаментами: стилизованными розочками, лилиями, цветочными гирляндами. Обязательный передник, повязываемый на талии, украшали по низу кружевом и тесьмой.

Праздничный головной убор здесь назывался «чепец». Его шили из полос широкого позумента по типу высокого плоского трапиевидного колпака на плотной стёганой основе.

В сёлах Шебекинского района грудка сарафана называлась «ворот» и украшалась вышивкой в форме многоцветного полукруга. Рубаха и передник из отбелённого холста дополнялись широкими полосами вышитого растительного орнамента и кружевом.

В некоторых сёлах «понёвного» региона (сёла Подсерднее Алексеевского района и Верхняя Покровка, Нижняя Покровка Красногвардейского района) девушки до замужества носили сарафаны. Особенно интересен девичий сарафан-«широколямошник» туникообразного кроя, наиболее древний по происхождению. Его шили из трёх деталей: центральное полотнище ткани перегнуто пополам (по плечам), между передней и задней частями добавляли два боковых полотнища для расширения. Причём лямки не выкраивали отдельно, а просто в центральном полотнище вырезали неглубокую горловину прямоугольной формы.

◀◀ «Парочка».
Старооскольский район
◀◀ Рубаха новооскольская
◀ Юбка с «манчетами».
Новооскольский район

В Белгородско-Оскольском регионе (центральная часть области: Губкинский, Новооскольский, Чернянский, Волоконовский, Валуйский и Вейделевский районы) архаичную понёву сменил юбочный комплекс.

В Новооскольском районе юбки шили преимущественно из тканей фабричного производства – ситца, сатина, атласа. В сёлах Васильдол и Тростенец по низу юбки обязательно пришивалась «манчета» – широкая заплиссированная оборка из полосы той же ткани. Над ней нашивалась полоса из чёрного плиса, а если позволял достаток, то ещё и тесьма и ленты в несколько рядов. «Завески» также украшались «манчетой», лентами, тесьмой, выстрочкой.

А вот рубахи здесь шили только из домашних тканей. Их отличали прямые «попки», большой отложной воротник и обилие красно-чёрной вышивки.

Интересны воротники у рубах в этом регионе: прямоугольной формы, широкие, отложные. По мнению учёных, это видо-

изменённый высокий стоячий воротник «козырь», характерный для одежды русских служилых людей, переселившихся в эти места из Москвы в XVI–XVII веках.

Дополнял костюм жилет, либо короткий, прямой и чуть зауженный к талии, либо более длинный, расширенный от талии клиньями; жилет здесь называли «безрукавник» или «кирсет».

▼◀ В Курской губернии.
Фотография С. Прокудина-Горского
▼ «Корсетка».
Новооскольский район

◀ Платок,
повязанный
чалмой

▶ Липти
▼ Шерстяные
шали

К началу XX века самым распространённым вариантом головного убора стал платок. Его носили, повязывая разными способами, в том числе и сооружая сложные конструкции (иногда даже с использованием палочек-распорок), явно напоминающие какие-то более древние формы головных уборов.

▶ Сапоги

Издревле повседневной обувью были лыковые липти. В начале XX века по праздникам женщины и девушки на выданье носили «черевики», или «коты», – башмаки из сыромятной кожи на невысоком наборном каблуке, а также сапоги кустарного производства или высокие ботиночки на шнуровке, которые назывались в разных сёлах «румынки», «венгерки» или «гусарики».

▶ «Коты»

▼ «Венгерки»

▲ Девичий комплект
с юбкой

► Юбочный комплект.
Губкинский район

В большинстве сёл Губкинского района юбки шились из красной клетчатой шерстяной ткани. На талии закладывались некрупные складки или сборки, к пояску пришивались узкие лямки, которые перекрещивались на спине. Рубахи шили из отбелённого холста, рукава и «полики» обильно украшали красно-чёрным вышитым орнаментом. Воротники были отложные, большие, с широкими оборками. Пояса здесь ткали с традиционным рисунком из продольных полосок на красном фоне, концы украшали кистями, бахромой с использованием бусин и бисера.

В Красногвардейском и Алексеевском районах девушки носили юбки из шерстяной домашней ткани с рисунком из продольных многоцветных полосок, чередующихся в различных сочетаниях. Юбки шили из 4-5 широких полотнищ, располагая их вертикально и собирая сверху у пояса в сборку. С такими юбками чаще всего надевали рубахи и «завески» из сатина бордового цвета.

Верхняя одежда, особенно женская, на Белгородчине тоже была разнообразной и живописной. Её оживляли цветные нашивки, яркая тесьма, перламутровые пуговицы.

А в морозные дни, отправляясь на улицу, крестьянки поверх шубы и платка заворачивались в большую шаль, и им были не страшны ни мороз, ни ветер.

ЗИМНЯЯ ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА:

1. Шуба
2. Шубы и зипун

1.

2.

ОСЕННЯЯ ЖЕНСКАЯ
ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА:

1. «Синяк».
Грайворонский район
2. Халат.
Ракитянский район
3. «Козельчик».
Новооскольский район
4. «Холодайка» (Алексеевский район), «корсет» (Яковлевский район), «козельчик» (Новооскольский район)

▲ «Намиста»
из «горного жемчуга»

► Бусы «дутые»

▼ Серьги. Хотмыжский
кустарный ювелирный
промысел

Украшения

Повсеместно любимые на Руси бусы на Белгородчине назывались ожерельями, «жерелками», «снизками», «монистами», «бузами».

В Грайворонском районе предпочитали бусы с крупными круглыми бусинами из полевого шпата или перламутра (это называлось – из «горного жемчуга»). Часто с такими бусинами чередуются монеты с напаянным круглым ушком.

В Красногвардейском, Красненском, Алексеевском районах излюбленными были «прутики» – бусы из некрупных стеклянных бусин или бисера, собранные низками в 10–20 рядов. Причём каждая нижняя низка была немного длиннее предыдущей. Состоятельные крестьянки надевали комплекты сразу из 4–5 прутиков, укладывая их от шеи вниз ярусами.

► Бусы-«прутики»

Очень ценились бусы, собранные в несколько низок, из золотистых мелких полых бусин тонкого стекла. Такие бусы в селе Глуховка Алексеевского района называли «дутыми», а в селе Прутки Красногвардейского района – «пустыми». Они были очень хрупкими и до наших дней сохранились в единичных экземплярах.

Были и украшения, присущие именно нашему региону. Одно из них – «грибатка», или «хрест», – ожерелье, символизирующее солнце, которое носили в регионе бытования расшитых гарусом понёв (Красногвардейский, Красненский, Алексеевский, Новооскольский районы). Изготавливалась «грибатка» из двух рядов узкой чёрной тесьмы ручного плетения, обнизанной золотистым или бесцветным бисером, с расшитыми гарусом полукружьями на концах. Тонкий шнурок с иконкой или другой подвеской соединял полукружья, замыкая «грибатку» в кольцо. В нижней части нашивалось чётное количество круглых розеток – не меньше двух, не больше шести. «Грибатки» были длинными, свешивались до пояса.

В селе Нижние Пены Ракитянского района на праздничные гулянья поверх рубахи надевали «душегрейку» – сетку в виде большого круглого воротника, сплетённую из разноцветного бисера. Подобное украшение в некоторых русских сёлах Белгородско-Воронежского региона называли «брედень».

Там же бытовало шейное украшение «поддушник» – накладной воротник-стойка из яркой ткани, обшитый галуном, тесьмой, бисером. Его также могли называть «галстук».

В Новооскольском районе с праздничной рубахой надевали «застёжку» – подобие манишки. Её закрепляли на шее завязками над разрезом ворота, а поверх неё надевали бусы.

◀ «Грибатка»

▲ Исполнительница песен М. Т. Яковенко в народном костюме. Село Верхняя Покровка Красногвардейского района

◀ «Душегрейка». Старооскольский район

◀ «Поддушник»

▲ «Батоги»

► «Брыжжи»

▲ «Заплечье»

К праздничным рубашкам могли надевать накладные манжеты («наручни», «брыжжи»), закрепляемые на запястьях с помощью пуговиц. Их шили из полосы сатина или кашемира, украшали оборками из атласной или шёлковой ленты, полос сатина, мелкоузорного ситца (сёла Почасво Грайворонского района, Подсерднее Алексеевского района).

Первоначальное предназначение украшений – оберегать человека от воздействия внешних сил природы. Поэтому в старину бытовали непривычные для нас украшения – наспинные и поясные, размещавшиеся сзади.

В Грайворонском районе бытовало женское наспинное украшение «батоги», его надевали вместе с головным убором «бархатником». «Батоги» изготавливались крестьянками в виде трёх крупных кистей из бахромы, прикреплённых к толстым шёлковым шнурам. Шнуры крепились к маленькой планке, сплошь закрытой золотным шитьём. С помощью тесёмок батоги привязывали к скрученным на затылке косам.

В Ракитянском и Ивнянском районах с праздничным сарафаном надевали «заплетье» – наспинное украшение из орнаментированных шёлковых лент разных цветов, укрепленных на тонком шнурке, который завязывался на шее, под воротником.

◀◀ «Назадень»

◀ «Косицы»

▼ «Косник»

Очень интересно поясное украшение «назадень», бытовавшее в Алексеевском, Красненском, Красногвардейском районах. Это длинная чёрная тесьма, украшенная на концах бисером, стеклярусом, разноцветными кистями. «Назаднем» связывались сзади петли пояса передника, либо его закрепили сзади на поясе.

В Новооскольском (сёла Васильдол, Тростенец) и Алексеевском (село Афанасьевка) районах изготавливали «косицы», изящное височное украшение из перьев селезня. Их выпускали из-под головного убора, закладывая за уши.

Девушки украшали косу «косником». Чаще всего «косник» представлял собой тесьму, обнизанную бисером, с полукруглыми «кустами» на концах, с разноцветными розетками из цветного гаруса, нашитыми на тесьму (Алексеевский, Красногвардейский, Красненский районы).

▲ Сельская ярмарка.
Художник Г. Ладыженский.
Конец XIX века

▼ Ключ. Начало XX века.
Грайворонский уезд

НАРОДНЫЕ РЕМЁСЛА И ПРОМЫСЛЫ

На Руси с глубокой древности самые необходимые в быту вещи крестьяне делали сами. Секреты мастерства передавались от родителей к детям. Традиционные мужские занятия были связаны с обработкой дерева, металла, камня, глины, кожи. Женские – главным образом с тканями. Сезонный характер земледельческого труда позволял крестьянам в свободный зимний период заняться каким-либо делом, чтобы иметь дополнительные доходы. Такие домашние семейные промыслы назывались кустарными. Ремеслом же называют более профессиональный труд. Ремесленники специализировались на том или ином деле, проходили обязательную выучку и зарабатывали на жизнь только продажей своих изделий.

Умелые руки мастеров и мастериц зачастую создавали подлинные шедевры, которые сохранили красоту простых вещей до наших дней.

Кузнечное дело

Находки археологов свидетельствуют, что на Белгородчине в городах и сёлах конца XII – начала XIII века накануне татаро-монгольского нашествия процветали кузнечное, гончарное, столярное, ювелирное и косторезное ремёсла.

Кузнечное мастерство с глубокой древности считалось одним из самых уважаемых. Кузнецам приписывали магическую силу благодаря способности «повелевать» огнём и металлом. В любом селении кузнец, или коваль, как его называли на юге России и на русско-украинском пограничье, был самым нужным и всем известным человеком.

В период строительства Белгородской оборонительной черты, в 1630–1650-е годы, в повседневной жизни городов-крепостей труд кузнецов пользовался особым спросом. Нужно было подковывать боевых коней, изготавливать и чинить оружие и доспехи. Для простых горожан – ковать топоры, косы, серпы, гвозди и многое другое. Так, кузнец особо упомянут в «Строельной книге Хотмыжска», одного из городов-крепостей Белгородской черты. А в Писцовой книге Белгорода и уезда 1626 года, самом раннем описании города, есть сведения, что там проживали шесть казённых кузнецов.

В XVIII веке во всех уездах Курской и Воронежской губерний кузнецы работали при почтовых трактах, в волостных центрах и на хуторах. К 1780-м годам в каждом уезде насчитывалось уже до 40 и более кузниц. Широкое распространение кузнечное ремесло получило в Старом Осколе, Короче, Шебекине, Борисовке.

Дальнейшее развитие ремесла на Белгородчине, в том числе и кузнечного, обусловлено двумя причинами. Во-первых, значительный рост населения вынуждал сельских жителей искать способы заработка, не связанные с земледелием. Во-вторых, крупные землевладельцы переводили своих людей на денежный оброк. Это давало крестьянам большую финансовую независимость: кроме сельского хозяйства, они могли заниматься ремеслом и торговлей. Различные

ремёсла были в основном сосредоточены в Белгородском, Грайворонском, Старооскольском, Бирюченском, Новооскольском, Корочанском уездах. Как правило, центрами многих ремёсел становились крупные сёла и слободы. Здесь и число самих мастеров было выше, и возможности сбыта шире.

Кузнецы селились в основном на окраине города или села, поскольку их работа была связана с использованием открытого огня. Так, в слободе Борисовке до сих пор сохранилась целая улица с историческим названием – Ковалёвка. Работали кузнецы круглый год. Летом – преимущественно по заказам селян; занимались подковыванием лошадей,

▲ Кузница.
Художник Л. Плахов.
1845

◆ Ковка цепей.
Фотография 1890-х годов

▼ Замок. Начало XX века.
Бирюченский уезд

- Цыган-кузнец.
Фотография начала XX века
- Кованые изделия.
Грайворонский район,
слобода Борисовка

ремонтom хозяйственного инвентаря. Зимой по заказам местных торговцев выделывали на продажу подковы, втулки, цепи, петли и прочее. Для работы сходились 2–3 человека. Один был мастером, другие – подручными, молотобойцами. Земледелием кузнецы не занимались вообще, а свои наделы сдавали в аренду. Необходимые для работы железо и уголь продавались в местных лавках.

На рубеже XIX–XX веков, в связи с развитием металлообрабатывающей промышленности, кузнечное дело приходит в упадок.

В XIX веке в городке Хотмыжске около 15 кустарей-ювелиров в свободное от полевых работ время на дому изготавливали крестики, кольца и серьги. Материалы – медь, серебро, олово, цветные стёклышки – они покупали в Борисовке или в Харькове. Инструменты использовались самые простые: наковальня, молоток, клещи и ручные тиски. Кустарные мастера не выдерживали конкуренции с дешёвыми изделиями фабричной работы, и постепенно промысел угас.

Традиционное гончарство

Всевозможные горшки, крынки, корчаги, жбаны, миски и чашки были незаменимы в быту крестьян, да и горожан тоже. Керамическая посуда способна долго сохранять качество пищи: в ней хорошо держится тепло или холод, не скисает молоко, не черствеет мучная выпечка. Изделия из глины дешевы, добротны, но недолговечны, и спрос на них был постоянным. Поэтому гончарство в Белгородском крае было развито почти повсеместно вплоть до начала XX века. Основными центрами производства керамики были Старый Оскол с окрестностями и слобода Борисовка.

«Горшколепу» (так ещё называли гончаров) помогали все работоспособные члены семьи: мужчины «тянули» посуду на ножном гончарном круге, женщины и дети лепили глиняную игрушку.

Мастерство «горшколепа» передавалось от отца к сыну, от деда к внуку. У каждого мастера были свои секреты. Были и свои «копанки», то есть места, откуда бралось исходное сырьё. Гончары знали, что глины разнообразны по происхождению, составу и качеству.

Качество глины гончар выявлял при обжиге опытным путём: если посуда трескалась, значит, масса слишком жирная и требовала добавки песка, если хрупкая – следует добавить жирных глин.

В день мастер мог произвести от 30 до 40 штук различных изделий: горшков, тарелок, кувшинов и тому подобного. Более длительной была работа по изготовлению дымоходных труб: их старались делать неповторимыми по форме и орнаменту, нанесённому на изделие.

Работали каждый день, пока не скапливалось сотни три изделий, необходимых для заполнения одного горна. До обжига посуда

должна была просохнуть на воздухе: летом её выставляли на доски обязательно в тень, зимой – в мастерской на полках.

Один из этапов – обработка поверхности посуды. В Старом Осколе, например, делали красивую поливную керамику, покрытую глазурью. Приготовление поливы тоже требовало знаний и опыта. У приезжих торговцев на рынке покупали свинец и глазурь. Свинец пережигали в чугунке на костре. Затем полученный порошок просеивали через сито и добавляли глазурь. Чистый свинец давал жёлтую поливу; чтобы получить зелёную, добавляли медный купорос, коричневую – марганец. Этим составом покрывали поверхность хорошо просохшего изделия. Был и другой рецепт: посуду обмазывали дёгтем и обваливали в свинцовом порошке. Этот способ был более дорогим, но такая посуда считалась более качественной, богатой и красивой.

▲ Гончары в мастерской. Фотография 1913 года

▼ Кувшин с глазурованным горлышком. Конец XIX века

▲ Макитра с орнаментами

▲► Макитра
с волнообразным узором.
Рубеж XIX–XX веков

Иногда сосуды украшали линейным или волнистым орнаментом с различными вариациями. Полосочки, завитки, зубчики, пятнышки – нехитрые узоры, но у каждого мастера был свой почерк. Одни выполняли рельефный узор палочкой по сырой глине, затем обжигали посуду, другие лепили накладные части украшений и покрывали их цветной глазурью, третьи брали гусиные да куриные перья и расписывали уже обожжённые изделия. Краску белую делали из мела, чёрную – из сажи, добавляя туда яичный белок, молоко, немного сахара.

Самый ответственный момент работы – обжиг. В том же Старом Осколе гончары, жившие в Казацкой слободе, умело использовали рельеф местности. Горн для обжига был углублён в склон холма так, что топочная камера находилась под землёй, а верхнее отверстие горна – на поверхности холма. Внутри камера была выложена огнеупорным кирпичом. Огонь разводили под полом, и пламя поднималось через специальные отверстия – «продухи».

Гончар залезал в горн и осторожно укладывал посуду, которую ему сверху подавал помощник. Затем горн закрывали. Обжиг начинался постепенно, чтобы изделия успели прогреться и не треснули. В течение трёх часов температуру прибавляли, затем создавали максимальный жар – «разводили такой огонь, что пламя выходило наружу». Обжиг длился 8 часов. Затем ещё примерно 12 часов горн остывал. После этого сам мастер извлекал готовую посуду.

Часто прямо к горну подъезжала подвода и забирала изделия на продажу. Продавалась гончарная посуда и глиняная игрушка как

► Казацкая слобода близ Старого Оскола. Открытка

▼ Деревенский гончар, делающий горшок. Фарфоровая статуэтка. 1865–1866

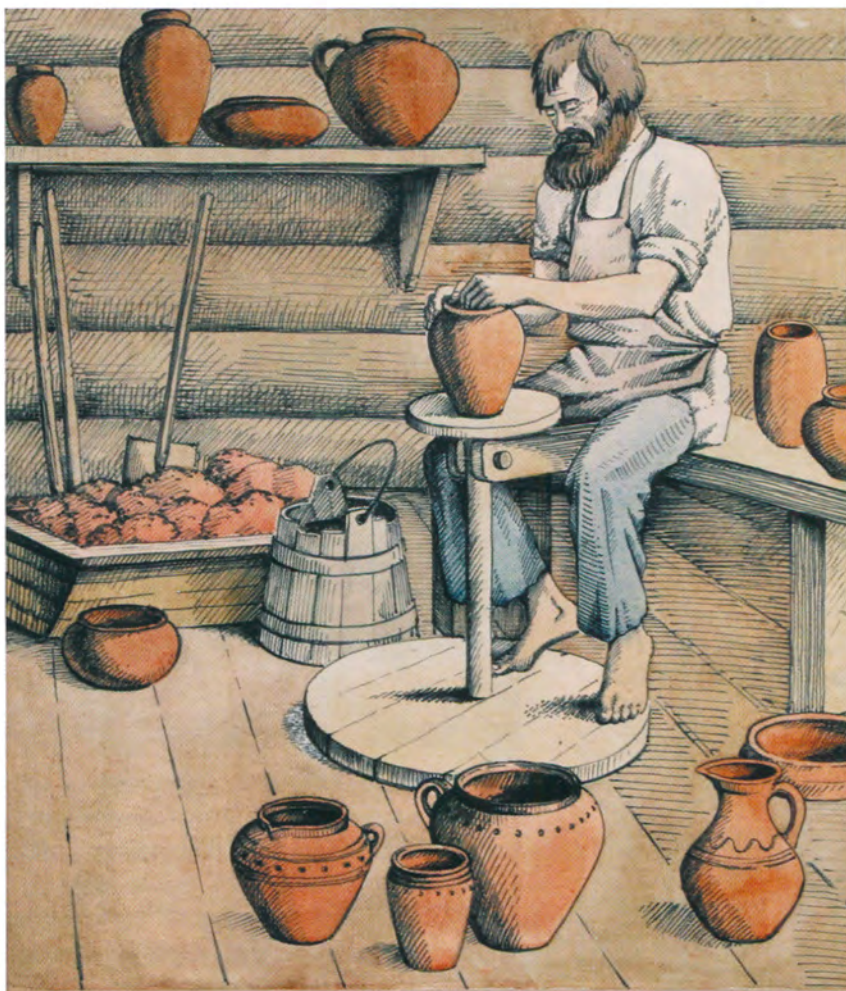

Старый-Осколь. Слобода Казацкая.

▲ Горшок керамический.
XIX век

▼ Изделие керамическое.
Начало XX века

на местных, так и на дальних ярмарках: посредники-скупщики везли её в Харьковскую и Полтавскую губернии.

Гончарный промысел повсеместно на Белгородчине просуществовал до 1940-х годов. А после войны с развитием промышленности появились новые виды посуды из металла, керамики, пластмассы. Промысел постепенно вымер, не сумев приспособиться к новым условиям.

Но в наши дни интерес к секретам старинного гончарства возрождается. Современные мастера сохраняют традиции предков и привносят в них новые творческие идеи, участвуют в выставках, ярмарках и фестивалях.

Покупая горшки, хозяйки постукивали их по боку: если звук глухой, то попался горшок мужского пола, а если чистый, звонкий – то «горшица». Еда в «горшицах» получается вкуснее. Но в доме должны быть и те и другие, чтобы в семье царил согласие.

▲ Гончарная мастерская

◀ Кубышка керамическая.
Рубеж XIX–XX веков

► Игрушки. Ярмарка.
Художник А. Моравов.
1914

▼ Игрушки из раскопок

Старооскольская игрушка

Старооскольская глиняная игрушка — уникальное явление русского народного искусства. Его истоки теряются в глубине веков. Предполагается, что промысел возник в конце XVII века в слободе Казацкой на высоком берегу реки Оскол. Возможно, сама идея глиняной игрушки была привезена переселенцами из северных и центральных территорий России ещё в период городов-крепостей Белгородской черты. Вероятно, глиняная игрушка возникла как подсобный промысел при основном, гончарном. Лепка игрушки была преимущественно женским занятием.

Фигурки лепились из белой глины, расписывались ангобом, то есть жидкой глиной красного цвета, в виде вертикальных полос. Формы игрушек, найденных в окрестностях бывшей Казацкой слободы, предельно

условны и обобщены, в них почти нет деталей. Например, черты лица не проработаны, а только обозначены характерным налепом с защипом, выполненным двумя пальцами, чтобы наметить форму носа. Глаза и рот намечали плоской палочкой. Но условность и обобщение объясняются тем, что мастера стремились не копировать точнее действительность, а передать с наибольшей силой свои самые яркие впечатления от неё. В течение веков многие безымянные поколения выверяли навыки и приёмы лепки, и с ними рождались наиболее выразительные и обобщённые формы.

Интересно, что фигурки людей отражают характерные черты своей эпохи. Так, XVII век — суровый период в истории Белгородчины. Не случайно типичная игрушка в это время — всадник, воин. Фигурка очень проста, но вместе с тем динамична и выразительна. Мастер мог замечательно передать и как упруго поступь коня, и как стремительны движения наездника.

Примерно в начале XIX века в ряду прежних образов появляются всадники нового типа, в характерном головном уборе этой эпохи – двууголке. Появляются и «бабы» со свистком, да не просто деревенские бабы, а важные барыни, они тоже красуются в шляпках – капорах, по моде 1810–1820-х годов. Несмотря на это новшество, в пластике и росписи женских образов просматривается явная связь с древней традицией земледельческого культа, с образом Мокоши – языческой богини плодородия и благоденствия, матери урожаев, защитницы дома и семьи. Идея плодородия выражена и в росписях на передниках – в изображении овалов, напоминающих форму зерна. Свисток в игрушке – это тоже не просто детская забава, а наследие стародавних верований. Когда-то наши предки считали, что этот звук способен уберечь человека от злых сил.

В более поздних образцах, примерно с середины XIX века, в женских фигурках происходили изменения. Мастера то увеличивали, то уменьшали головной убор, отказались от налёпа. А затем и вовсе стали применять новый приём: оттискивали головку игрушки с фабричных кукол и даже с фарфоровых статуэток. Ведь появление игрушек, изготовленных промышленным

способом, значительно снизило спрос на игрушку глиняную, и деревенским «свистюлишникам» приходилось искать новые, более привлекательные формы.

От начала XIX века до нас дошли фамилии мастеров-игрушечников и целых династий: Лихачёвых, Заниных, Распоповых. Но самую важную роль в дальнейшей судьбе старооскольской игрушки сыграла семья Гончаровых. Мать, Анастасия Павловна, и три дочери, Евдокия, Ольга и Наталья, донесли до нас живую нить традиции.

▲ Сёстры Ольга и Наталья Гончаровы за лепкой

▲ Всадник в двууголке и Барышня в капоре. Глиняные игрушки. Начало XIX века

▼ Семья. Глиняная игрушка. Автор О. М. Гончарова

▼ Олень, Мишка. Глиняные игрушки. Автор Н. М. Гончарова

▲ Народный мастер России
Оксана Рощупкина

►▲ Народные мастера
России Татьяна и Владимир
Лобынцевы за работой

Творчество сестёр Гончаровых интересно тем, что они, бережно сохраняя форму и традиционные сюжеты (звери, птицы, всадники и барыни), расширили и обогатили тематику игрушки. Они вводят новые образы: «Иван», «Пара», «Семья». Меткие по пластическому решению, весёлые по росписи, игрушки сестёр Гончаровых воплощают естественную радость жизни. При этом каждая из мастериц имела свой почерк.

► Коши.
Глиняные игрушки.
Автор Т. Лобынцева

►► Гармонист и барыня
с петухом. Глиняная
игрушка.
Автор О. Рощупкина

Наталья Михайловна и Ольга Михайловна Гончаровы обучали всех желающих, двери их дома были открыты для каждого. Среди их учеников – народные мастера России супруги Владимир и Татьяна Лобынцевы. От них тонкости ремесла переняли уже другие поколения учеников. Старооскольская игрушка развивается: современные мастера разрабатывают новые сюжеты, проявляют свой талант и выдумку, и из их рук выходят композиции оригинальные, но хранящие в себе традицию.

◀ Игрушки
О. Роцункиной

◀◀ Гусары.
Глиняная игрушка.
Автор О. Роцункина

▲▲ Медведи.
Глиняная игрушка.
Автор Т. Лобынцева

◀ Всадник.
Глиняная игрушка.
Автор В. Лобынцев

► Деревенский иконописец.
Художник А. Архипов.
1889

Борисовские иконы

Среди художественных промыслов Белгородчины особое место занимают борисовские иконы.

О времени возникновения иконописного промысла в Борисовке точных данных нет. Предположительно, иконопись появляется здесь с момента, когда владелец слободы граф Борис Петрович Шереметев основал в 1711 году Богородице-Тихвинский женский монастырь. Тогда для росписи строящихся храмов и обучения иконописанию местных

жителей сюда приехали несколько живописцев из Санкт-Петербурга. Имеются документальные сведения, что в середине XVIII века в Борисовке жили мастера, занимавшиеся только иконописным ремеслом. Например, мастер Гаврила Подолякин в своём прошении графу жалуется, что вотчинная контора заставляет его пахать землю, а он способен совсем к другому: «...С малолетства моего оной работы не знал, а имею художество иконописное...» Также в XVIII веке были иконописцы, занимавшиеся отхожим промыслом, уезжая далеко от дома.

Расцвет иконописного промысла в Борисовке приходится на период после отмены крепостного права (вторую половину XIX века). Изделия местных живописцев пользовались большим спросом на юге и юго-западе России: поставлялись в Курск, Малороссию, на Кавказ и даже в Болгарию и Сербию.

Создавать произведения, имеющие художественную ценность, могли лишь самые лучшие мастера. Но часто конкуренция заставляла работать быстрее, «на поток». В погоне за дешёвой появляются иконописцы низкоквалифицированной категории – «личкуны». Они писали в иконах только лики да руки, а остальное пространство просто

► Богородице-Тихвинская
обитель. Слобода Борисовка

покрывалось фольгой и прочими украшениями. Ни особого труда, ни особого таланта, зато стабильный заработок... Истинные мастера, иконописцы-«красочники», писавшие икону полностью (лики, руки, одежды, фон), иронически относились к искусству «личкунов», считая их работу «мазнёй».

Иконописцы работали у себя дома, круглый год, за исключением воскресенья и праздников. Рабочий день длился с раннего утра до позднего вечера, с перерывом на еду и отдых. Состоятельные мастера покупали краски и кисти в Харькове, более бедные приобретали всё необходимое в местных лавках.

Готовую продукцию в основном скупали несколько богатых борисовских иконоторговцев и Борисовский Тихвинский женский монастырь, монахини которого занимались обделкой икон.

Иконописцы брали в ученье мальчиков 11–12 лет. У «личкунов» обучались 2–3 года, а у «красочников» – 4–5 лет, причём брали только грамотных. За обучение не платили, но первые два года ученики жили «на своих харчах», а вторые два – на хозяйских.

◀◀ «Личкунская» икона

◀ Будущий художник.
Художник В. Максимов.
1899

Появление в конце XIX – начале XX века печатных, литографских икон наносит сильный удар по кустарям, которые не выдерживали конкуренции с печатным станком.

Чтобы поддержать старинный промысел и повысить мастерство кустарей, в июле 1902 года в Борисовке открылась учебная иконописная мастерская. Четырехлетний курс в школе был бесплатным. Также бесплатно выдавались и все учебные принадлежности. Сюда принимались мальчики от 10 до 14 лет, окончившие начальную школу. Программа обучения включала рисунок и живопись, а главное – иконописание по лучшим образ-

► Спас Вседержитель.
Икона. XIX век

► Икона Божией Матери
«Знамение». XIX век

► Святитель
Иоасаф Белгородский.
Икона. Начало XX века

▼ Инструменты для
изготовления икон,
инструменты позолотчика,
резчика

цам византийского, киевского, московского, новгородского, строгановского стилей. К сожалению, эта школа просуществовала недолго и закрылась после начала Первой мировой войны.

К изготовлению борисовских икон относится целый «куст» местных промыслов.

Доски для икон изготавливали столяры – «дощечники». Более качественные заготовки предназначались для «красочной» работы, похуже – шли на «личковую».

Другие столяры – в Борисовке их насчитывалось около 300 – специализировались на киотах, особых плоских и глубоких рамах для икон, закрытых стеклом. Киоты делали простые или резные, на заказ – под позолоту. Использовали древесину липы и осины, которую покупали в конторе Шереметева с торгов. Летом работали у себя во дворе, а зимой – прямо в доме, используя обычные столярные инструменты. Один мастер мог изготовить за неделю 20 киотов. В день киотчик зарабатывал 50 копеек. Готовые изделия продавали в монастырь или иконообделщицам на базаре.

Иконообделческий промысел возникает в Борисовке в первой четверти XIX века. От монахинь это занятие переняли борисовские крестьянки. «Красочная» икона украшалась у краёв киота фигурно обработанной

◀ Богоматерь с Младенцем.
Икона. XIX век

▼ ◀ Святитель Николай.
Икона. XIX век

фольгой и искусственными цветами. При украшении «личкунской» иконы мастерица закрывала фольгой всю её поверхность, прорезала отверстия для лика и рук, выдавливала контуры фигуры, нимб, складки одеяний и прочие детали.

В канун революции иконами занимались более тысячи борисовских кустарей. Но промысел был исторически обречён и исчез после 1917 года. Лишь некоторые иконописцы, окончившие рисовальную школу, про-

должали работать учителями рисования или художниками-оформителями. Потомками борисовских иконописцев были советские художники братья Александр, Василий и Михаил Хвостенко.

...

В последние годы на Белгородчине возрождаются традиционные ремёсла: ткачество, кузнечное дело, резьба по дереву, глиняная игрушка, гончарство. Открываются мастерские, возникают новые династии.

Старшее поколение жителей помнит и бережно хранит обычаи, обряды, предания, легенды, поверья и молитвы, связанные с годовым кругом и с главными вехами жизненного пути человека.

Современные учёные-этнографы, знатоки народной культуры и быта, до сих пор привозят из экспедиций в белгородскую глубинку прекрасные образцы народного творчества и совсем простые, обыденные вещи, которые так много могут рассказать нам о традиционном укладе жизни.

Традиции и народное творчество края сохраняются и продолжают развиваться.

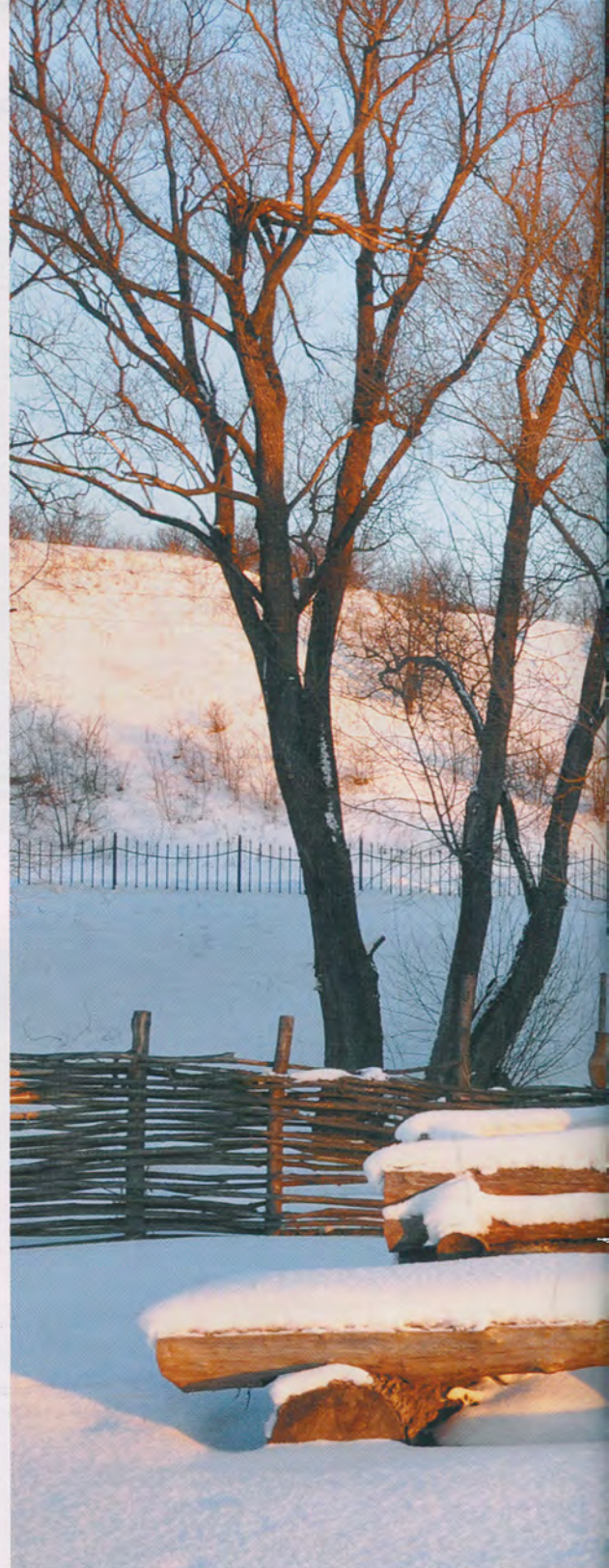
◀ В столярной мастерской.
Художник Л. Плахов.
1845

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ	6
Осень.....	6
Зима.....	8
Весна	14
Лето.....	18
СЕМЕЙНЫЕ ОБЫЧАИ	26
Дети в крестьянской семье	26
Белгородская свадьба.....	33
Смерть и погребение	42
НАРОДНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	46
Песни и пляски.....	46
Инструментальная музыка	52
ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ.....	56
Постройка дома.....	58
Внутренняя обстановка	62
Изменение традиционного жилища	66
НАРОДНАЯ КУХНЯ.....	68
Повседневный и постный стол.....	69
Праздничный стол	72
НАРОДНЫЙ КОСТЮМ	78
Старинные текстильные технологии.....	79
Мужская одежда.....	82
Женская одежда.....	83
Украшения	94
НАРОДНЫЕ РЕМЁСЛА И ПРОМЫСЛЫ...98	
Кузнечное дело	98
Традиционное гончарство	101
Старооскольская игрушка	104
Борисовские иконы	108

Библиотека белгородской семьи

Научно-популярное издание

Том 2

ТРАДИЦИИ И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО БЕЛГОРОДЧИНЫ

Авторы текста: *Михаил Жиров («Народный календарь»),
Ольга Жирова («Семейные обычаи», «Народная музыкальная культура»),
Мария Емельянова («Традиционное жилище»), Надежда Солодовникова («Народная кухня»),
Лариса Якубенко («Народный костюм»),
Инна Белых, Диана Новицкая, Вера Половинкина («Народные ремёсла и промыслы»)*

Автор идеи, главный редактор *Виталий Горошников*
Редакторы, управление проектом *Анастасия Маслова, Юрий Маслов*
Научные редакторы *Надежда Рожкова, Надежда Шатерникова, Валентин Котеля*
Дизайнер *Татьяна Хрусталёва*
Подбор иллюстраций *Ирина Ковалёва*
Корректор *Ольга Хробыстова*

Администрирование проекта *Екатерина Зимина, Диана Тесленко, Елена Павленко*

В книге использованы фотографии *Галины Анкудиновой, Инны Белых, Татьяны Вьюнник, Леонида Гильмана, Александра Дорогана, Марии Емельяновой, Юрия Лунькова, Анастасии Масловой, Юрия Маслова, Валерия Морева, Анны Опашиной, Александра Панченко, Дмитрия Романенко, Алексея Цыбульского*

Художники, предоставившие свои работы: *Владимир Желобок, Семён Кожин, Геннадий Кудрявцев, Мария Павлова*

На обложке – картина «Дедов двор». Художник Л. Барбарин, 1948
На стр. 3 – картина «Крестьяне». Художница З. Серебрякова, 1914

Издательство выражает благодарность за помощь в создании книги *Михаилу Бороне, Людмиле Бражниковой, Татьяне Бурик, Марине Войцеховской, Лидии Гальцовой, Инне Климовой, Валентину Котеле, Дмитрию Кремнёву, Анатолию Кряженкову, Светлане Кулешовой, Татьяне Лукьяновой, Евгении Мишиной, Светлане Мищериной, Вере Романенко, Оксане Рошупкиной, Лилии Турыниной, Елене Спиридоновой, Ирине Сургучёвой, Марине Ушатовой, Виталию Харченко, Татьяне Юрьевой, Елене Ягельской, Галине Ямтольской*

Административная группа: *Наталья Хорева, Алёна Симонова, Наталья Емельянова, Евгений Захарычев*

Подписано в печать 25.11.15. Формат издания 60х90/8.
Печать офсетная. Тираж 5250 экз. Усл. печ. л. 14,5.

ООО «АРТ-ХОЛДИНГ «МЕДИАРОСТ»
152903, Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Глеба Успенского, 2а.
Тел./факс (4855) 25-05-63,
www.mediarost.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А, www.pareto-print.ru
Заказ № 4910/15

Региональная книжная серия
«Библиотека белгородской семьи» в популярной форме
рассказывает о культурно-историческом
и природном многообразии родного края.
Серия предназначена для семейного чтения,
для жителей области и туристов.

ISBN 978-5-906070-50-0

9 785906 070500